

Сорвать маску

Автор:

Маргарет Макфи

Сорвать маску

Маргарет Макфи

Исторический роман – Harlequin #17

Арабелла Марлбрук, оставшись без средств к существованию, с больной матерью и маленьким ребенком на руках, и отчаявшись найти работу, решает отправиться в один из лучших борделей Лондона. В первый же вечер она встречает там Доминика Фернекса, герцога Арлесфорда, который бросил ее много лет назад – незамужнюю и беременную. Потрясенный обстоятельствами этой встречи, Доминик предлагает ей стать его любовницей, не зная, что у него есть сын. Арабелла понимает, что должна согласиться – другого выхода у нее нет, но упорно скрывает правду, все больше запутываясь в паутине неправды и недомолвок...

Маргарет Макфи

Сорвать маску

Глава 1

Арабелла Марлбрук мерила шагами большую, со вкусом обставленную гостиную «Дома радужных наслаждений» миссис Сильвер в районе Сент-Джеймс в Лондоне, пытаясь не обращать внимания на чувство ужаса, свернувшееся холодным клубком в животе.

Черное шелковое платье, сшитое на более стройную женщину, непристойно льнуло к изгибам бедер и груди, ни на миг не позволяя Арабелле забыть о том, что на ней нет ни нижних юбок, ни корсета. Кожа была холодна как лед, ладони покрылись липкой влагой. К тому же она боялась, что черная маска из перьев, скрывавшая верхнюю часть лица, вовсе не сделала ее неузнаваемой.

В гостиной в определенной последовательности расположились еще пять женщин, облаченные в платья разных цветов и таких откровенных фасонов, что на их фоне Арабелла выглядела разряженной в пух и прах.

– Прошу тебя, Арабелла, присядь, – произнесла мисс Руж[1 - Rouge – красный (фр.). (Здесь и далее примеч. пер.)], сидевшая на одном из диванов. Она была облачена в алое нижнее белье, чулки и прозрачный пеньюар. – У меня от тебя голова кругом. Лучше побереги силы, сегодня здесь будет предостаточно джентльменов, жаждущих ласки. Некоторые их запросы потребуют как минимум напряжения. – Она лукаво ухмыльнулась, глаза, блестевшие за яркими красными перьями маски, на миг стали почти черными.

– Оставь ее, Элис. Вспомни лучше, как ты сама чувствовала себя в первую ночь. Неудивительно, что бедняжка нервничает, – произнесла бледная мисс Роуз[2 - Rose – розовый (фр.).] в пастельно-розовом наряде. Она стояла, прислонившись к каминной полке, и яркий свет пламени очерчивал ее ноги сквозь тонкий шелк, словно на ней вовсе не было юбки. Девушка взглянула на Арабеллу:

– Все будет хорошо, девочка. Не волнуйся.

Арабелла благодарно взглянула на мисс Роуз и снова повернулась к мисс Руж:

– Пожалуйста, не называй меня по имени. Я думала, нам полагается обращаться друг к другу только так, как велела миссис Сильвер. – Арабелле совершенно не хотелось, чтобы мужчина, с которым ей сегодня придется лечь в постель, – в животе снова растекся холод при одной мысли об этом, – знал, кто она на самом деле. Не хватало еще, чтобы ее позор неизгладимым пятном остался на тех, кого она любит.

– Мисс Нуар[3 - Noir – черный (фр.).] – это всего лишь имя, и нечего выпрыгивать из юбок! – резко бросила мисс Руж.

– По крайней мере пока не уведешь своего клиента вверх! – язвительно добавила хрупкая блондинка в синем платье, сидевшая в кресле. Она рассмеялась над этой грубой шуткой, и все остальные, кроме Арабеллы, последовали ее примеру.

Мисс Нуар отвернулась от них, чтобы никто не заметил, какое унижение она испытывает, и отошла к книжному шкафу, притворяясь, что читает названия книг на корешках. С трудом взяв себя в руки, она наконец осмелилась вновь обернуться.

Элис, мисс Руж, полировала ногти. Эллен, мисс Верт[4 - Vert – зеленый (фр.)], зевнула и, устроившись на кушетке, закрыла глаза, собираясь вздремнуть. Лиззи, мисс Сьель[5 - Ciel bleu – небесно-голубой (фр.)], и Луиза, мисс Жон[6 - Jaune – желтый (фр.)], тихо беседовали, а Тилли, мисс Роуз, читала роман.

Арабелла принялась рассматривать комнату, пытаясь отвлечься от навязчивых мыслей о неприятной перспективе, которую сулил вечер. Она была вынуждена признать, что гостиная отличалась изысканностью – пожалуй, более элегантного помещения она не видела никогда. Полированный дубовый пол, покрытый большим ковром в золотистых тонах с синими вкраплениями. Бледно-голубые стены, наполняющие комнату покоем и безмятежностью. В центре потолка, украшенного изысканной лепниной, висела двухъярусная хрустальная люстра, настенные канделябры в тон люстре располагались напротив больших зеркал, которые отражали мерцающие огоньки во всем великолепии. Мебель, большей частью дубовая, была обита дорогими тканями, проста и элегантна.

В комнате стояли пять кресел, два дивана и кушетка, одни обшиты тканью в кремовую и бледно-голубую полоску, другие – однотонные, цвета слоновой кости или же бледно-золотистые, ярко блестящие, отражая огни свечей. На столике в углу комнаты притаилась ваза с букетом свежих цветов – белых, желтых, золотистых.

Такая гостиная могла бы сделать честь любому уважаемому дому Лондона. Арабелла поразились про себя контрасту между спокойной, обстоятельной элегантностью декора и грубой, жестокой реальностью того, что творилось здесь под покровом ночи. И вновь невольно вспомнила о том, что привело ее сюда и что предстояло сделать.

Она страшилась момента, когда прибудет неизвестный джентльмен, желающий заплатить за ее услуги. Более того, она ежесекундно боролась с отчаянным желанием выйти вон и убежать домой. Но Арабелла знала, что не имеет права так поступить. Прекрасно помнила, по какой причине она здесь и почему должна пройти через это.

Арабелла закрыла глаза и усилием воли попыталась унять подступившую тошноту и чувство острого ужаса, от которого на лбу и над верхней губой выступил холодный пот. Миссис Сильвер обещала ей сто гиней в неделю. Это целое состояние.

Сто гиней за то, что она будет продавать себя богатым мужчинам. Сто гиней, которые спасут их всех.

Доминик Фернекс, известный также как его светлость герцог Арлесфорд, взболтал бренди в стаканчике, неторопливо изучая четыре карты, покоившиеся в его руке. Наконец, приняв решение, он одним глотком осушил бокал и жестом попросил крупье сдать ему еще одну карту.

Раздался дружный вздох – одетые по последней моде господа, сидевшие с ним за одним столом в «Уайтс», клубе для джентльменов, не сумели сдержать своих чувств. Горка золотых монет, поблескивавшая в центре, успела вырасти – и большей частью благодаря ставкам самого герцога.

Следующая карта с громким щелчком слетела с колоды и опустилась на обтянутый зеленой тканью стол перед герцогом мастью вверх.

Маркус Хеншалл, виконт Стэнли, изогнул шею, пытаясь разглядеть поверх голов стоящих перед ним джентльменов, что выпало Доминику.

Туз червей.

– Предвестник любви, – прошептал кто-то.

Герцог не обратил на эти слова ни малейшего внимания.

– Фокус с пятью картами. Двадцать одно. – Он лениво улыбнулся и выложил остальные карты.

– Будь я проклят, Арлесфорду везет как дьяволу! – воскликнул кто-то в толпе.

Раздались смех и негромкое бормотание. Затем по отполированному до блеска полу заскрипели отодвигаемые стулья – друзья герцога тоже бросили карты и поднялись.

– Как считаете, джентльмены, возможно, нам стоит подыскать себе иное развлечение на этот вечер? – поинтересовался лорд Буллфорд.

Предложение было встречено всеобщим одобрением.

– И я знаю подходящее местечко, – вставил лорд Девлин. – Удивительное заведение, где товары столь восхитительны, что придется по вкусу даже самым разборчивым клиентам!

Раздались новый взрыв смеха и непристойные шутки.

Доминик наблюдал за тем, как Стэнли раскланивается и идет к выходу, торопясь к жене и ребенку. Он невольно ощутил укол зависти и горечи. Его самого дома не ждали ни любимая женщина, ни тем более ребенок. Да и вообще в особняке Арлесфордов его ничто не грело, кроме разве что подвала с бренди. Но это был его осознанный выбор. Женщинам нельзя доверять.

– Ну же, идем, Арлесфорд, – протянул Себастьян Хантер, единственный сын в семье и наследник солидного состояния. – Не можем же мы позволить тебе праздновать победу в одиночку.

– Когда это я веселился в одиночку? – небрежно пожав плечами, осведомился Доминик.

– Это верно, старина, – признал Буллфорд. – Но я гарантирую тебе, наслаждения, которые может предложить некий райский домик, куда Девлин нас скоро отвезет, превзойдут все, на что способна маленькая птичка, согревающая твою постель.

Ответная улыбка Доминика была пустой и бесстрастной. Разумеется, у него были женщины, более того, он даже подозревал, что вполне соответствовал своей репутации распутника, каковым его считал весь Лондон. Однако никакая птичка не ждала его сегодня дома в постели – как, впрочем, и всегда. Доминик не приводил женщин в свою спальню. Он сам посещал женщин, которые принимали правила игры, после чего совершенно спокойно уходил прочь. Он дарил им деньги и дорогие подарки, но не самого себя. Словом, не вкладывал в подобные отношения душу, держа чувства под контролем. И всегда был очень осторожен.

Он не испытывал особого желания наведаться в заведение, о котором говорил Девлин. Доминик окинул взглядом стол, отметив, как громко и вульгарно, перебивая друг друга, заговорили его друзья. Слишком возбужденный, чтобы проявлять подобающую сдержанность, юный Норткот вел себя еще более распушено, чем остальные. Словно в подтверждение своей независимости, молодой человек взял протянутую Фэллингхемом бутылку и стал пить прямо из горлышка. Рубиновые ручейки побежали по подбородку юнца на галстук и рубашку.

– Арлесфорд у нас паинька. Хочет произвести впечатление на Мисбурна и его доченьку. Хорошенькая наследница, а приданое и того лучше! – заорал юный Норткот.

Собравшиеся встретили это заявление одобрительными возгласами.

– Поскольку ты, судя по всему, успел оценить ее прелести, Норткот, забирай девицу себе. Да будет тебе известно, у меня нет ни малейшего желания угодить в мышеловку.

Фэллингхем хмыкнул:

– А вот старик Мисбурн так не считает. Тут в журнале ставок есть пари на сто гиней, что некий герцог А. будет помолвлен с небезызвестной мисс У. до конца сезона.

У Доминика кровь застыла в жилах.

– Дураки быстро расстаются с деньгами. У кого-то вскоре станут легче карманы.

– Напротив, – возразил Буллфорд. – Слышали, как Мисбурн обсуждал свои планы на твой счет в этом самом клубе. Он твердо намерен женить тебя на своей дочери. Считает это делом чести.

– Что ж, тогда у Мисбурна ошибочные представления о чести и о моих намерениях. – От внимания Доминика не ускользнул выразительный взгляд, которым Хантер одарил Буллфорда. В отличие от остальных, Хантер знал правду о том, что именно произошло однажды с Домиником дома в Амершеме, и понимал, почему тот не хочет жениться.

Девлин бросил взгляд на вход.

– Помяни черта! К нам присоединился Мисбурн с друзьями, несомненно надеясь составить будущему зятю компанию за карточным столом, – со смешком произнес он.

– Похоже, и впрямь пора отправиться в этот дом неземных наслаждений, обещанных Девлином, – пробормотал Хантер.

– И помочь молодому Норткоту получить знания, которых он достоин, – расхохотался Девлин.

– Учитывая, сколько Норткот успел выпить, боюсь, он будет не в силах усвоить урок, – заметил Доминик.

– Это дерзкая клевета, Арлесфорд! Чтобы ты знал, мой приятель в состоянии блестяще справиться с возложенной на него задачей! Более того, он начал шевелиться, стоило мне об этом подумать!

– Докажи! – усмехнулся Фэллингхем.

Норткот поднялся на ноги и потянулся рукой к завязкам на панталонах.

– Не будь идиотом, – бросил Доминик.

В ответ Норткот рыгнул и, неохотно повинувшись, уселся вновь.

– Сам видишь, придется тебе составить нам компанию, Арлесфорд. Кто еще сумеет не дать Норткоту опозориться? – произнес Хантер.

– И в самом деле? – Доминик презрительно изогнул бровь, но Хантер не понял сарказма.

Норткот явно чувствовал себя не в своей тарелке, оказавшись в подобной компании. Доминик знал, что не сможет бросить юнца в такой ситуации. Похоже, ради Норткота придется коротать долгий вечер бессмысленного флирта в одном из лучших борделей Лондона.

Доминик последовал за друзьями к выходу и прошел мимо Мисбурна, едва удостоив его кивком. Как он и говорил друзьям, у него не было ни малейшего намерения вступать в брак.

Доминик Фернекс выучил преподанный жизнью урок о женщинах. И теперь решительно отогнал мысли о прошлом, возвращаясь к вечеру, который только начался.

Миссис Сильвер предупредила девушек о приходе джентльменов за несколько минут до того, как четверо молодых людей вошли в комнату.

Арабелла ощутила новый приступ паники. Желудок сжался, и ее начало подташнивать при одной мысли о том, что предстоит с одним из них делать – да еще за деньги! На мгновение ею вновь овладело всепоглощающее желание сбежать отсюда куда глаза глядят. Но затем Арабелла вспомнила, почему отважилась на это, и воспоминание укрепило на миг изменившую ей решимость, придало сил, в которых она нуждалась как никогда. Девушка замерла, сделала глубокий вдох и подняла глаза на посетителей.

Все четверо были молоды, не старше ее самой, и, судя по безупречно сидящим темным фракам и панталонам, одевались у лучших портных. Раскрасневшиеся, с блестящими глазами – очевидно, уже успели порядочно набраться, особенно самый молодой. До Арабеллы донесся запах вина и бренди, несмотря на то что она стояла в самом дальнем конце комнаты за спинкой полосатого дивана, словно пытаясь спрятаться от неизбежного.

Она принялась разглядывать посетителей, гадая, кто из них выберет ее. Арабеллу охватило беспокойство при новой, не менее пугающей мысли: а вдруг ни одному она не придется по вкусу? И что делать тогда? Ее ни капли не радовало нынешнее положение, однако вернуться домой, не заработав ни пенни, было бы еще хуже.

Мужчины, казалось, были весьма не прочь развлечься и едва не пускали слюни, обзревая ассортимент «товара». При этой мысли Арабелла не сумела сдержать охватившую ее дрожь. Она перевела взгляд на двух высоких джентльменов, вошедших в комнату следом за своими друзьями... и сердце ушло в пятки.

Она словно шагнула с края пропасти и полетела вниз. Дыхание застыло в горле, кровь превратилась в лед, сердце забилося так часто и громко, что она едва не лишилась чувств. Девушка вцепилась в спинку дивана, даже не заметив, что может порвать дорожную обивку.

– Этого не может быть, – еле слышно слетело с губ.

«Этого не может быть!» – эхом пронеслось в голове.

Арабелла во все глаза уставилась на вновь вошедших, уверенная, что зрение ее подводит, но ошибиться было невозможно. Этого высокого темноволосого мужчину она узнала бы где угодно, несмотря на то что не видела на протяжении долгих шести лет.

Он почти не изменился. Плечи стали шире, тело окрепло, правда, жизнь оставила на красивом мужественном лице несколько лишних морщинок. Сомневаться не приходилось – перед ней действительно Доминик Фернекс, или герцог Арлесфорд, как его сейчас называли.

На его лице застыла скука, он без малейшего интереса оглядел комнату и ее обитательниц. Похоже, ему не было дела до гостиней миссис Сильвер. Доминик рассеянно скользнул взглядом по Арабелле, но в следующий миг его глаза вернулись к ее лицу.

«Боже, пожалуйста, не дай Доминику узнать меня!» – промелькнуло у нее в голове.

Тонкие пальцы Арабеллы нервно коснулись черной маски, проверяя, надежно ли она держится на лице. Доминик по-прежнему пристально смотрел на нее, словно черная ткань и перья не мешали ему разглядывать лицо женщины. Выражение скуки бесследно исчезло, сменившись напряженным вниманием.

Хлопок пробки, вылетевшей из бутылки с шампанским, заставил Арабеллу вздрогнуть, хотя и по другой причине. С трудом отведя взгляд от Доминика, она заметила на лице миссис Сильвер многозначительную улыбку. Хозяйка жестом указала на бокалы, и Арабелла внезапно вспомнила, что в ее обязанности входило предложить джентльменам шампанское.

Мисс Руж уже опустошила первую бутылку, и один из гостей откупорил следующую. У Арабеллы так дрожали руки, что она испугалась: вдруг кто-то заметит, как она нервничает? Но стоять на месте и глазеть на Доминика – не самое лучшее решение. Возможно, если она займется делом, он наконец отведет от нее взгляд своих пронизательных глаз.

Она подошла к миссис Сильвер и взяла два хрустальных бокала с шампанским, в точности следуя наставлениям хозяйки. От неожиданной встречи с Домиником в голове воцарился полнейший хаос. Арабелла была взволнована, напугана, потрясена и лишилась способности думать. Она зажмурилась, пытаясь собраться с мыслями.

Встретить его вновь, после того как она научилась жить с тяжестью происшедшего – и где? Как знать, вдруг он увлечется другими девушками? Возможно. Но будет ли ей легче наблюдать, как он уводит наверх мисс Руж или мисс Верт? Сможет ли она улыбаться, притворно флиртовать и добровольно отправиться в спальню с другим мужчиной, зная, что Доминик здесь? Арабелла покачала головой. Похоже, эта ночь будет самой трудной в ее жизни. Присутствие Доминика сделало осуществление ее планов практически невозможным.

Она ощутила прикосновение к рукаву и, открыв глаза, встретила взглядом с миссис Сильвер, которая с беспокойством смотрела на нее.

– Сто гиней в неделю, – одними губами произнесла хозяйка. – Думай о деньгах.

Арабелла чуть заметно кивнула, с трудом обретая присутствие духа. Глубокий вдох... И вот она наконец обернулась к гостям.

Доминик стоял рядом с ней.

– Полагаю, вы – мисс Нуар? – Он медленно окинул взглядом полупрозрачное платье, а затем вновь посмотрел ей в глаза. – Арлесфорд, к вашим услугам, мэм.

Значит, он все-таки ее не узнал. Слава богу! Арабелла с облегчением тихо вздохнула и, вооружившись терпением и мужеством, стала играть свою роль.

– Ваша светлость. – Она заставила себя произнести эти слова и поклониться, хотя губы упорно не желали улыбаться. Каждая клеточка в теле ныла от разлившегося по нему нестерпимого холода, кожа заledenела, словно кровь перестала течь по венам. Сначала Арабелла молила Небеса об этой встрече, затем стала просить, чтобы она никогда не состоялась. Уверенность, что Доминик остался в прошлом и ей нет до него дела, рассеялась. Он по-прежнему волновал ее – так сильно, что от одной его близости перехватывало дыхание.

Они смотрели друг на друга, и Арабелле вдруг показалось, что прошедшие годы стерлись и она смотрит на еще совсем молодого мужчину, которого никогда не смогла бы забыть. Она с трудом отвела глаза, опасаясь, что Доминик прочтет в них отголоски неуместных чувств, и окинула взглядом комнату.

Остальные женщины расточали улыбки и кокетничали с мужчинами, разговаривая низкими грудными голосами. Из угла комнаты миссис Сильвер с неодобрением и раздражением посматривала на Арабеллу. Она взглядом указала на Доминика, затем на бокалы с шампанским, которые нервно сжимала девушка.

Выхода не было. Бежать некуда. Арабелла мужественно выпрямилась, подняла голову и заставила себя вновь устремить взгляд на Доминика.

– Не желаете ли шампанского?

Герцог ничего не ответил, продолжая рассматривать ее своими темными глазами, которые она так хорошо помнила. Секунды, казалось, превратились в

минуты, пока они глядели друг на друга, забыв о вине. Затем его глаза потемнели, и Доминик принял бокал.

– Мне нужно... – Она окинула взглядом комнату, надеясь отыскать другого джентльмена, которому можно отнести шампанского, однако все остальные уже стояли с бокалами в руках, флиртуя с женщинами. Их ухаживания были настолько откровенны, что Арабелла смутилась, словно невинная девица.

– Полагаю, этот ваш, – произнес Доминик. Он помолчал немного, снова взглянув на нее, и добавил:

– Возможно, мы сможем выпить шампанского вместе... наверху?

Сердце екнуло в груди, пропустив удар, а затем пустилось вскачь. Легкие отказывались работать. Весь мир перевернулся с ног на голову.

Она знала, что означает этот намек.

Доминик выбрал ее.

Она задрожала всем телом, не зная еще, как расценивать это – как лучший или худший из возможных вариантов. Прошло почти шесть лет, однако ее губы словно до сих пор горели от его поцелуев, а тело приятно покалывало после ночи любви. Снова отдаться ему. И за деньги? Это уязвляло больше всего.

У нее руки чесались от желания выплеснуть содержимое бокала ему в лицо, закричать, отказать самым решительным образом. Образ потрясенного Доминика с лицом, залитым вином, и уязвленной гордостью стал единственным проблеском света в бесконечной тьме происходящего. Но Арабелла не стала предаваться мечтам. Несмотря на бушующий в душе ураган, она не забыла о том, почему оказалась здесь, в «Доме радужных наслаждений». У нее свои обязанности.

Арабелла была достаточно честной и практичной, чтобы признаться в этом самой себе. Сегодня ей предстоит соединиться с джентльменом. И пусть лучше им будет Доминик, чем какой-то незнакомец.

Она снова покосилась на его друзей – на потные лица, покрасневшие от вина, жадность и похоть, горящие в глазах. Как бы ей ни было противно это признавать, Арабелла чувствовала горькое облегчение и радость оттого, что Доминик выбрал именно ее.

Если маска останется на лице, Доминик никогда не узнает, за чьи услуги заплатил. От этой мысли ей стало немного легче.

Арабелла подавила гордость. Она встретила с ним взглядом, понимающе кивнула и направилась в комнату наверху, которую ей отвела миссис Сильвер.

Даже оказавшись в спальне, обитой черной тканью, Доминик не мог оторвать глаз от мисс Нуар. Он знал, что пожирать женщину взглядом неприлично, но ничего не мог с собой поделать. Намерение присмотреть за Норткотом было забыто в тот же миг, как он впервые увидел ее в гостиной. Боже правый, было бы легче перестать дышать, чем отвести от нее взгляд. Как будто не было прошедших лет и перед ним вновь стояла та, другая женщина...

– Что-то не так? – спросила она.

«Будь я проклят, – подумал Доминик. – Даже голос похож».

Мисс Нуар нервно коснулась пальцами маски.

– Простите, если я невежлив, но ваш облик будоражит воспоминания о прошлом. Вы очень похожи на женщину, которую я когда-то знал. – Только по этой причине он сейчас стоял рядом с ней в одной из комнат борделя, хотя должен был развернуться и уйти прочь. Вернулась боль, а с ней и горечь, однако Доминик чувствовал, что хочет эту женщину с силой, которую можно было назвать лишь отчаянием.

Он хотел ее потому, что она была похожа на Арабеллу Тэттон.

Она не улыбалась, не сюсюкала, не жеманничала, не делала двусмысленных намеков. Она не была раздета до расшнурованного корсета, не стояла у огня так, чтобы открыть ноги похотливым взорам, не лежала на кушетке, взбив юбки,

из-под которых выглядывали чулки. Вместо этого с серьезным лицом стояла у книжной полки, всем своим поведением обнаруживая трудно скрываемое беспокойство и неуверенность. Сейчас незнакомка – воплощение спокойной неподвижности – молча наблюдала за ним, и только судорожно сцепленные руки выдавали волнение. Рядом с ней на столике среди темных шелковых веревок, перьев и вееров в нетронутом бокале пузырилось вино.

Доминик одним глотком допил шампанское, пытаясь отвлечься от нахлынувших чувств, вызванных поразительным сходством.

– Похоже, вы немного нервничаете сегодня, мисс Нуар.

– Это мой первый день здесь. Простите, но я не вполне знакома с правилами. Я... – Она замолчала и через силу выдавила положенные слова. – Я желаю лишь одного – доставить вам наслаждение. – Высоко поднятая голова и яркий блеск глаз в разрезах маски свели на нет покорное раболепие сказанного. Поза была откровенно вызывающей, словно перед ней стоял противник, которого нужно одолеть, а не мужчина, которого нужно соблазнить. – Желаете ли вы, чтобы я разделась?

Доминик поднялся, поставив пустой бокал на столик рядом с полным.

Она была так похожа на Арабеллу, что у него перехватило дыхание, как от удара в солнечное сплетение. Разгоряченная вином и желанием кровь в два раза быстрее побежала по венам. Как бы он ни пытался подавить воспоминания, они вырвались из-под контроля, яркие, незабываемые, словно все произошло только вчера.

Сила нахлынувшей страсти поразила Доминика, он считал, что испытываемый им гнев уничтожил все остальные чувства к Арабелле. Однако тело уже напряглось, восставшая плоть пульсировала от острого желания, словно с ним в комнате и впрямь была она. Доминик знал, что не откажется от ее предложения. Даже не вспомнив о Норткоте, он скинул с себя фрак.

– Нам обоим будет приятнее, если я раздену вас, – отозвался он, продолжая смотреть на женщину. Та опустила ресницы, не кокетничая, а скрывая что-то от его пронизательного взгляда. Он велел себе перестать пялиться на нее. Но не смог.

– Как пожелаете. – Мисс Нуар встала перед ним. Черное платье скорее подчеркивало, чем скрывало, роскошные очертания ее тела. Что ж, по крайней мере этим незнакомка не походила на Арабеллу, которая не отличалась от нее ростом, но была более хрупкой и стройной.

Арабелла. Казалось, ее имя эхом отдается от стен. Перед глазами проносились образы – Арабелла стонет под ним, смеется, улыбается, сам он зарывается лицом в шелк золотистых волос, шепча слова любви и лаская нежную кожу...

Несмотря на вернувшийся гнев, его тело наливалось страстью. Не без усилия Доминик напомнил себе, что он презирает Арабеллу Тэттон. Нужно как можно быстрее отделаться от женщины, чье сходство с той, другой, выпустило на волю образы, похороненные в темных уголках его сознания. Разум прекрасно отдавал себе отчет в этом. Но Доминик не смог уйти.

Вместо этого протянул руку и распустил шнуровку на платье, пока корсаж не разошелся, открывая идеально очерченные полные груди. Светло-розовые соски, выделяющиеся на безупречной бледной коже, легонько терлись о ткань. Доминик осторожно, мягко коснулся нежной плоти, и они тут же затвердели, как бусинки.

Он склонился и приник губами к бархатистой коже одной щеки, затем второй и, вглядевшись в разрезы маски, заметил, как расширились зрачки. Ее глаза были того же чистого, пронзительного синего цвета, как залитое солнцем летнее небо.

Арабелла. Вспыхнувшая боль смешивалась с равным ей по силе желанием.

Он провел губами по стройной шее, покрыл поцелуями ключицу, постепенно спуская платье с плеч мисс Нуар. Ее груди высвободились из плена кружева, и Доминик склонился к ним, пока не прикасаясь. Розовые соски напряглись еще сильнее, когда их обдало горячее дыхание. Медленно, дразня, он коснулся их языком.

Женщина закрыла глаза, безуспешно пытаясь перевести дыхание. Доминик губами почувствовал пробежавшую по ее телу невольную дрожь.

Медленно, плавно, он ласкал незнакомку, посасывая соски, поглаживая пышные груди, осторожно сжимая их пальцами. Доминик чувствовал, как колотится ее сердце и, что еще более странно, как по роскошному телу то и дело пробегает дрожь.

Отстранившись, он обратил внимание на легкий румянец, выступивший на ее щеках. Она вновь открыла глаза, и на мгновение Доминик уловил в них явный отблеск желания. Затем незнакомка спустила платье с плеч, освободила руки и расстегнула пуговицы на талии. Черные юбки водопадом скользнули на пол. Она сделала шаг вперед и замерла, нагая, если не считать туфель на высоких каблуках, чулок и маски на лице.

Мисс Нуар не пыталась поощрить его. Впрочем, этого и не требовалось. Она гордо стояла на месте, не сводя с него пристального взгляда.

«Арабелла», – хотел было прошептать Доминик. Хотя это имя преследовало его на протяжении долгих шести лет, появление женщины, поразительно похожей на ту, которую он любил, разбередило старые раны. Но, несмотря на боль, желание было острее, чем когда-либо. Он хотел ее так, словно перед ним и впрямь была Арабелла.

Доминик сбросил жилет, развязал галстук и снял с себя рубашку. Заметил, как взгляд незнакомки скользнул по его груди к животу и ниже, к выпуклости на панталонах. Когда их глаза вновь встретились, на ее лице появилось странное выражение, значения которого Доминик так и не понял.

Он снова приблизился, притянул мисс Нуар к себе и поцеловал – нежно, глубоко, пылко, так, как ему хотелось с того мгновения, как он ее увидел. Поначалу она стояла неподвижно, но затем ответила и прижалась к нему. Это было прекрасно – почти так же, как если бы в его объятиях вновь была Арабелла. Доминику даже не понадобилось закрывать глаза, чтобы притвориться, будто он снова с ней.

Он целовал незнакомку так же, как женщину, которую любил – со страстью и му?кой, разъедавших душу. В ответных движениях ее губ Доминик с удивлением уловил отголосок чувств, которые когда-то горели между ним и Арабеллой. Он замер и отпрянул, желая взглянуть ей в глаза, однако мисс Нуар тут же отвернулась и начала возиться с подвязками.

Доминик остановил ее.

– Оставь их, – пробормотал он. – Я хочу посмотреть на тебя.

Неверно истолковав эти слова, женщина отошла на несколько шагов, предлагая свое тело его взору. Он не ответил на это приглашение, а, сглотнув, окинул взглядом длинные ноги, мраморно-белые на фоне черных чулок, гладкие изгибы бедер, маленький треугольник светлых волос между ног, мягкий женственный животик.

Мисс Нуар зарделась, словно перед ним стояла не искушенная куртизанка, проводившая каждую ночь с новым клиентом, а его Арабелла. Доминик ощутил боль в паху.

Она не попыталась снять маску, да он и не настаивал – не стоило разрушать чудесную иллюзию, которая привела его сюда.

Доминик быстро разделся и вновь заключил незнакомку в объятия.

«Арабелла», – беззвучно выдохнул он, прижавшись губами к ее горлу, когда она обняла его за шею.

«Арабелла», – вновь прозвучало в сознании, когда он отнес ее на постель и уложил на черные простыни. Контраст между темным шелком и бледной кожей почему-то наделил незнакомку еще большим сходством с Арабеллой. Он хотел ее до боли и не мог даже подумать о чем-либо другом. Доминик накрыл женщину своим телом, продолжая одной рукой ласкать пышную грудь, и раздвинул коленом ее ноги.

Она ждала этого – жаркая, покрытая влагой. Его твердая плоть ворвалась внутрь. Все в ней – запах, вкус, прикосновения – до такой степени напоминало Арабеллу, словно она и впрямь каким-то чудом оказалась с ним в постели. Он почти убедил себя, что занимается любовью с Арабеллой, и двигался до тех пор, пока у обоих не перехватило дыхание, тела не покрылись пленкой пота, до тех пор, пока не достиг освобождения. В последний миг Доминик вышел из нее, излившись на простыни.

Какая изысканная пытка.

Едва достигнув пика, он скатился с нее, и тут же нахлынуло сожаление о содеянном.

С ним была не Арабелла. Своими действиями он добился лишь одного – разбередил старые раны. Доминик чувствовал пустоту, одиночество, грусть – как всегда. Осталось лишь одно желание – как можно быстрее убраться из этого места. Выпутавшись из простыней, он поднялся с постели.

– Спасибо, – неловко произнес он, но так и не сумел заставить себя произнести вымышленное имя этой женщины. Отошел прочь, нашел рубашку, панталоны и поспешно натянул их на себя.

С кровати донесся едва уловимый вздох, подозрительно похожий на всхлип.

Доминик повернулся к замершей на простынях женщине. Взглянул ей в глаза, незнакомка быстро отвернулась, перекатившись спиной к нему, словно пытаясь забыть о его присутствии.

Взгляд Доминика скользнул по золотым кудрям, выбившимся из прически, по бледным плечам и изящной линии спины. Тонкая талия переходила в широкие бедра и округлые ягодицы.

Его пальцы замерли на пуговицах панталон. Кровь застыла в жилах. Доминик не мог пошевелиться – даже вздохнуть. Он смотрел, как замороженный, на аппетитную попку, нежную светлую кожу... на которой отчетливо просматривалась черная родинка. На правой ягодице, чуть ниже поясицы. Он прекрасно помнил ее.

Он испытал такое потрясение, словно кто-то в упор выстрелил ему прямо в сердце из пистолета. Все остальное вдруг потеряло значимость. Доминик уставился на женщину, не веря своим глазам, пытаясь осознать простую истину. Он не верил, что не понял этого сразу.

– Арабелла?

Даже не шепот, еле слышный вздох, разнесшийся эхом по комнате, словно Доминик проревел это имя во всю силу легких.

Женщина напряглась всем телом, подтверждая тем самым подозрение, которое с трудом сформулировал потрясенный разум. Когда мисс Нуар потянулась за простыней и натянула ее на плечи, Доминик заметил, как по ее спине пробежала легкая дрожь. Завернувшись в черный шелк и поднявшись с кровати, женщина наконец обернулась.

Они уставились друг на друга, стоя по разные стороны постели. Даже воздух, казалось, задрожал от напряжения.

У него в голове никак не укладывалось только что сделанное открытие. Даже сейчас Доминик ожидал, что она будет все отрицать. Но неподвижность и молчание свидетельствовали об обратном.

Через мгновение Доминик уже стоял рядом с ней, одной рукой притягивая к себе, другой дергая ленты маски. Он даже не заметил, как сорвал с нее простыню, сосредоточившись на своей задаче. Мисс Нуар потрясенно охнула, и маска слетела на пол к ее ногам. Доминик обнаружил, что с ужасом смотрит в белое как мел лицо Арабеллы Тэттон – точнее, теперь уже Арабеллы Марлбрук.

Глава 2

Доминик прижимал к себе обнаженную Арабеллу так крепко, что она бедрами чувствовала его вновь восставшую плоть. Его потрясение от открытия оказалось столь велико, что она лишь молча смотрела в глаза мужчины, которого когда-то любила. Наконец в голове начало проясняться, и Арабелла попыталась освободиться.

– Арабелла! – Он попытался заставить ее успокоиться.

Но вместо ответа она ударила мужчину и попыталась вывернуться из его объятий. Он с легкостью перехватил ее руки и снова прижал к себе, крепко сжимая ее запястья у нее за спиной.

– Арабелла, – уже тише произнес он, но от его тона по-прежнему веяло опасностью.

– Нет! – крикнула она, но Доминик не собирался сменить гнев на милость. Он смотрел на нее с неумолимой суровостью.

– Какого черта ты делаешь здесь? – Темные глаза потемнели и мрачно мерцали, резко контрастируя с бледным как мел лицом. Он едва сдерживал гнев, так не свойственный человеку, которого Арабелла помнила.

Она пыталась сохранять спокойствие, но дышала так, словно только что бежала со всех ног. С каждым вздохом Арабелла чувствовала, как распухшие соски трутся о ткань его расстегнутой рубашки.

– По крайней мере, окажи мне честь, позволив одеться, прежде чем мы продолжим этот разговор, – произнесла она с видимым спокойствием.

Доминик лениво, медленно окинул взглядом ее обнаженное тело, и Арабелла подумала, что он откажется, однако в следующий миг его пальцы разжались.

Она поспешно подняла с пола черное платье и облачилась в него, повернувшись к Доминику спиной. Заведя руки за спину, кое-как, не до конца, стянула шнуровку. Выбора не было – пришлось оставить часть корсажа как есть. Платье почти не прикрывало ее пышной груди и было слабой заменой достойной одежде, но лучше уж так, чем и дальше стоять нагишом. Арабелла натянула корсаж как можно выше и прижала его к себе руками. Доминик закончил одеваться и теперь следил за ней потрясенным и гневным взглядом.

– Я повторю свой вопрос, Арабелла, – с холодным спокойствием, от которого веяло опасностью, произнес он. – Что ты здесь делаешь?

– То, что в подобных местах делает любая женщина, – ответила она, храбро повернувшись к мужчине лицом, твердо решив скрыть стыд и унижение за бравадой.

– Продаешься, – резко бросил он.

– Выживаю, – собрав остатки достоинства, поправила его Арабелла, не обращая внимания на презрительный тон.

– И где, будь он проклят, Генри Марлбрук, пока ты «выживаешь» в борделе? Какой муж позволит своей жене докатиться до этого? – Его голос изменился, стал жестче при одном лишь упоминании ненавистного имени и последовавшего за ним слова «муж».

– Не смей произносить его имени, – прошипела Арабелла, не в силах слышать это.

– Почему же нет? – бросил Доминик в ответ. – Боишься, что я найду его и вызову на дуэль?

– Будь ты проклят, Доминик! Он мертв!

– В таком случае он избавил меня от лишних забот, – холодно отозвался тот.

Арабелла удивленно разинула рот, изумленная жестокостью Доминика, и, не успев даже задуматься, размахнулась и ударила его по лицу. Пощечина вышла звучной, эхом раскатилась по комнате. Воцарилась зловещая тишина. Даже в неровном отблеске свечей был виден след у него на щеке.

Глаза Доминика опасно потемнели, став такими же беспросветными, как царившая вокруг ночь. Но Арабелла не собиралась отступать.

– Ты это заслужил. За все, что сделал. Генри был хорошим человеком, куда лучше тебя, Доминик Фернекс!

Генри был добр к ней. И Арабелла была благодарна ему за это. Она увидела, как что-то промелькнуло в его черных глазах.

– О да, как и шесть лет назад, – холодно бросил он. – Я не забыл об этом, Арабелла.

Как и она. Всего несколько слов, и прошлое вернулось мгновенно. Счастье, которое она испытывала, подарив свое сердце Доминику, радостные ожидания,

обещание блаженства, ночи любви. Все это оказалось лишь ложью и иллюзиями. Она ничего не значила для него – так, всего лишь очередная грелка в кровати. В девятнадцать лет Арабелла еще не понимала, что движет мужчинами и их желаниями. В двадцать пять была уже далеко не так наивна.

– Ты не стала долго ждать, вышла за него замуж.

Я слышал, не прошло и четырех месяцев.

В его голосе отчетливо прозвучали обвиняющие нотки и ревность, подогревшие пламя ее гнева.

– А чего, во имя неба, ты ожидал? – крикнула она.

– Я ожидал, что ты подождешь, Арабелла!

– Подожду?! – Не веря своим ушам, она уставилась на Доминика. – Кем ты меня считал? – Неужели он искренне полагал, будто она примет его с распростертыми объятиями? Снова отдастся после того, как он небрежно вышвырнул ее из своей жизни, унизив и оскорбив? – Я не могла ждать, Доминик, – резко произнесла она. – Я была...

Его взгляд был полон ярости и надменности. Ее Доминик окончательно превратился в жестокого, безжалостного аристократа, которым, в сущности, всегда был.

– Ты была...

Арабелла замешкалась. На шее забились жилки, напоминая об осторожности.

– Дурой, – наконец закончила она. Дурой, которая поверила в его ложь. Дурой, которая доверилась ему. – Ты получил то, зачем пришел сюда, Доминик. А теперь исчезни и оставь меня в покое.

– Чтобы ты могла спуститься вниз, в гостиную миссис Сильвер, и предложить бокал шампанского следующему клиенту, который, без сомнения, уже ждет? – В каждом слове сквозило презрение. – Я так не думаю.

«Да как он только смеет? – пронеслось у нее в голове. – Кто, черт возьми, дал ему право осуждать меня после того, что сделал сам?» В это мгновение Арабелла возненавидела Доминика с силой, которая угрожала окончательно лишить ее выдержки. Ей хотелось кричать, осыпая его ударами, выплеснуть весь свой гнев, отомстить за все, что он сделал тогда и сейчас. Но вместо этого она продолжала упрямо цепляться за тонкую нить самообладания.

Еще несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, казалось, даже воздух начал сгущаться и шипеть от напряжения. Затем Доминик отошел и встал за спинкой одного из обитых черным кресел у камина.

– Присядь, Арабелла. Нам нужно поговорить.

Та упрямо покачала головой.

– Я так не думаю, ваша светлость, – произнесла она, испытывая гордость от того, как холодно и безразлично звучит ее голос, хотя в душе она дрожала как лист на ветру.

– Если тебя волнуют деньги, можешь успокоиться – я заплатил за всю ночь. – Доминик снова взглянул на нее, и в темных глазах замерцали искры.

Горло мучительно сдавило, словно в нем встал ком. Арабелла сглотнула несколько раз, но это не помогло. Она равнодушно смотрела в глаза Доминику, притворяясь, что не испытывает мучительного стыда и ее ничуть не затрагивает яростная буря эмоций, бушующая между ними.

Притворяясь, что ей нечего скрывать.

Он указал на кресло, за спинкой которого стоял.

– Присядь, Арабелла. После того, что только что произошло между нами, нет необходимости изображать оскорбленную невинность. – Его голос звучал сурово и жестко, лицо словно было вырезано из камня – более красивое и решительное, чем когда-либо. Арабелла знала, что Доминик не изменит своего решения.

– Будь ты проклят, – прошептала она. Шрамы от душевных ран вновь заныли, словно не зажили до конца. Появление Доминика через столько лет, когда Арабелла поверила, что никогда больше его не увидит, разожгло в ее душе страхи, суть которых она только начинала постигать.

Как только она неохотно опустилась в кресло, Доминик уселся напротив.

– Ты с самого начала знал, что это я?

– Разумеется, нет! – От злости на нее и самого себя его голос звучал более жестко и резко, чем ему бы хотелось. Не имело значения, как Арабелла когда-то обошлась с ним. Доминик ни за что не взял бы ее из мести.

– Тогда как ты догадался?

– Лучше спроси, как я не догадался сразу! – бросил он. Этот вопрос он задавал не столько ей, сколько себе. – Я, знающий каждый дюйм твоего тела, Арабелла! – И чтобы его одурачить, хватило одной дешевой маски из черных перьев! Впрочем, дело не только в этом. Бордель, публичный дом – последнее место, где он мог представить себе Арабеллу.

Мысль о том, во что эта женщина превратилась, потрясла его до глубины души. Однако осознание того, что он обошелся с ней как со шлюхой, поразило еще больше. Он много лет мечтал вновь отыскать ее, желал и боялся этого. Но ни разу, в какие бы дали ни уносило его воображение, Доминик даже представить себе не мог такой встречи. Он взъерошил волосы пальцами, отчаянно пытаясь скрыть охватившее его смятение.

Доминик взглянул на Арабеллу. Бледное лицо с бесстрастным выражением.

Время ничуть не умалило ее красоты, напротив, сделало более зрелой, соблазнительной. Из красивой девушки она превратилась в потрясающую женщину. Правда, появилась настороженность, ранее ей не свойственная. Раньше Арабелла была невинной, беззаботной, полной радости и счастья. Теперь, глядя на нее, Доминик видел хладнокровную, рассерженную, чужую женщину, которую совершенно не узнавал. А затем вспомнил приглушенный

всхлип и пелену непролитых слез в ее глазах... и его гнев начал гаснуть.

– Говоришь, Марлбрук умер?

Арабелла осторожно кивнула:

– Два года назад.

– И оставил тебя без средств к существованию? – В его голосе проскользнули обвиняющие нотки.

– Нет! – Отрицание сорвалось с ее губ в отчаянной попытке защитить человека, за которого она вышла замуж. – Нет, – уже спокойнее повторила Арабелла. – Денег хватило бы на относительно безбедное существование.

Она замолчала, медля, не зная, сколько может ему рассказать.

В его сознании теснились вопросы, требовательные и злые, но Доминик предпочел промолчать, терпеливо дожидаясь объяснений.

Арабелла не спешила продолжать. На ее лице вновь появилось бесстрастное выражение. Крепко сжав губы, она отвела взгляд.

– Значит, ты здесь по своему выбору, а не по необходимости?

– Да. – Арабелла вздернула подбородок и, не дрогнув, встретила с ним взглядом, почти бросая вызов. – Теперь ты видишь, какой женщиной я стала. Не передумал оставаться?

– Я никуда не уйду, Арабелла, – с уверенностью произнес Доминик, прямо глядя ей в глаза.

Арабелла склонила голову и снова отвела взгляд, помрачнев и разозлившись.

– А что твой отец думает о твоей нынешней профессии? – поинтересовался он. – А брат?

– Мой отец и Том умерли во время эпидемии чахотки, которая унесла жизнь Генри.

– Я сожалею о твоей утрате, – произнес Доминик. Эта новость потрясла его – он хорошо знал ее родных и был к ним привязан. – А миссис Тэттон?

– Моя мать тоже заболела, но она, к счастью, выжила.

– Она знает о том, что ты здесь, Арабелла?

По ее лицу пронеслась тень вины.

– Нет. – Но она тут же вздернула подбородок, дерзко глядя на Доминика. – И это не твоя забота.

Наступила тишина, и они расслышали ритмичное постукивание спинки кровати о стену в соседней комнате. Никто из них не обратил на этот звук ни малейшего внимания.

Он напряженно вглядывался ей в глаза. Оставался еще один вопрос, который Доминик не мог не задать, хотя уже знал ответ – можно было догадаться об этом по одному ее пребыванию в «Доме радужных наслаждений» миссис Сильвер.

– И у тебя не было мужчин после Марлбрука? Ни нового мужа, ни покровителя?

– Нет, – напряженно произнесла Арабелла, окинув его взглядом, исполненным презрения. – Но даже если бы и были, это тебя не касается.

Их глаза снова встретились. Ярость закипела, заряжая гневом воздух, а затем Арабелла поднялась с кресла и подошла к длинным черным занавескам, закрывавшим окно.

Она не могла спокойно сидеть на месте, позволив Доминику допрашивать ее. Арабелла боялась, что вопросы зайдут слишком далеко. Кроме того, у него не было никакого права задавать их. Он утратил право знать, что происходит в ее жизни, когда принял свое решение много лет назад. Пусть считает Арабеллу

Тэттон шлюхой, которой сам же ее и сделал. Главное, чтобы он не узнал правды.

Арабелла бы не вынесла, если бы Доминик понял, как ей больно, или узнал правду об отчаянном положении, которое и привело ее сюда. Лучше презрение, нежели жалость. А еще лучше – пусть Доминик и дальше ни о чем не догадывается.

Между занавеской и стеной виднелась тонкая полоска ночного неба, темная, почти черная. Звезд не было, уличные фонари не горели, казалось, все вокруг томится ожиданием, предчувствуя опасность. Обернувшись, Арабелла увидела, что Доминик сидит, уставившись на крохотные огоньки, пляшущие по алеющим в камине углям. На его лице застыло мрачное выражение, подходящее к этой ночи.

– Поверить не могу, что нашел тебя здесь... в проклятом борделе! – Доминик никак не мог преодолеть потрясение. Все эти годы он представлял себе, как однажды отыщет ее. Он выдумывал тысячи самых разных ситуаций, но ни одна из них и близко не походила на реальность. Арабелла – шлюха в лучшем борделе города. Мисс Нуар, черный цвет в радуге миссис Сильвер, доступная для мужчин, готовых платить деньги. Ему стало тошно при одной мысли об этом.

– Тогда уходи отсюда, словно ничего этого не было, – тихо произнесла Арабелла, не оборачиваясь.

В тишине было слышно, как потрескивают угли в камине.

– Ты знаешь, этого я сделать не могу. – Какие бы чувства он ни испытывал, эта женщина не заслуживала жизни в подобном заведении.

Доминик покосился на Арабеллу, стоящую у окна в льнущем к телу черном платье, которое обнажало больше, чем скрывало. Обратил внимание на красиво очерченную линию спины в распушенной шнуровке и, несмотря ни на что, ощутил прилив желания.

Он испытал отвращение к самому себе. Как можно хотеть женщину, изменившую ему с Марлбруком? Да еще и после того, что между ними только что произошло при совершенно омерзительных обстоятельствах. Герцог отнюдь не гордился тем, что обошелся с ней как с проституткой, даже несмотря на то

что она была таковой. Знай он, что перед ним Арабелла, Доминик бы и пальцем ее не тронул. Но уже было слишком поздно. Он сделал куда больше.

– Почему бы и нет? Я хочу именно этого. Чтобы ты ушел... и не возвращался больше.

Жестокие слова причинили боль, но Доминик не стал отвечать на выпад, по-прежнему глядя на огонь. Несколько угольков треснули и рассыпались в стороны, а на их месте вспыхнул язычок пламени, разгораясь ярче и жарче, чем другие.

– Ради того, что было между нами, Арабелла...

– Мне не нужна твоя жалость, Доминик! – Она резко обернулась и посмотрела ему в глаза, уперев руки в бока. – И все чувства, бывшие между нами, давно мертвы!

– О, об этом я прекрасно осведомлен.

В ее глазах горела ярость, которой Доминик никогда не видел. Губы покраснели и распухли от его поцелуев, грудь вздымалась и опадала с каждым вдохом и выдохом. Он невольно опустил взгляд к выглянувшему из выреза розовым соскам.

Проследив за его взглядом, Арабелла с яростью дернула корсаж вверх и прижала его руками.

– Для этого уже слишком поздно, Арабелла.

Она могла притворяться, изображать ненависть, но, в отличие от него, знала, с кем уединилась в черной комнате. Доминик чувствовал ответную искру в ее поцелуях – эхо тех чувств, которые некогда бушевали между ними. Возможно, любовь давно мертва, но физическое притяжение не исчезло.

Он снова перевел взгляд на огонь.

Он не простил. Но не мог оставить ее здесь.

Он не мог простить. И все-таки хотел ее.

В его сознании забрезжила смутная идея, которая, возможно, могла помочь ему избавиться от демонов, терзающих душу.

Арабелла наблюдала за тем, как Доминик поднимается на ноги и направляется к ней. Он заметил, как по ее телу пробежала дрожь. Она поспешно подхватила его плащ и закуталась в него.

Их взгляды встретились, Доминик прочел в ее глазах удивление, настороженность и немой вопрос.

– Тебе не обязательно заниматься этим, Арабелла.

– Повторяю, это не твоя забота. – Ее голос звучал холодно и резко, в глазах поселился холод.

– Я мог бы помочь тебе.

– Ваша помощь мне не нужна, ваша светлость, – бросила она.

– Возможно, но ты меня выслушаешь, Арабелла.

Она уставилась на него. Ее лицо вновь обрело бесстрастное выражение, однако Доминик чувствовал за этой маской напряжение и подозрение.

– Это означает, что тебе не придется спать с разными клиентами, потакая их желаниям и потребностям. Не придется бояться, что однажды ты окажешься на улице. На самом деле ты вообще не будешь ни в чем нуждаться.

Она слегка нахмурилась и покачала головой, словно не понимая, к чему он клонит.

– Я дам тебе свой дом и деньги – столько, сколько нужно. Ты будешь в безопасности. Я дам тебе свою протекцию.

– Протекцию? – повторила Арабелла, и Доминик заметил, как расширились ее глаза.

– Мы придем к соглашению, которое будет выгодно нам обоим.

– Ты хочешь, чтобы я стала твоей любовницей?! – выдохнула она, уставившись на него.

– Если тебе угодно использовать это слово, пусть будет так.

В воцарившемся молчании витало напряжение. Из соседней комнаты донесся женский смешок, в коридоре слышались тяжелые мужские шаги.

На красивом лице отчетливо читалось потрясение, и Доминик понял, что Арабелла ожидала чего угодно, но только не этого. И на мгновение ему показалось, что в синих глазах мелькнула боль сродни той, которую он все эти годы носил в сердце. Но эти чувства исчезли так быстро, что Доминик решил, что ему почудилось.

– Арабелла, – мягко произнес он и, не совладав с собой, коснулся ладонью ее руки.

Ощутил легкую дрожь, пробежавшую по ее телу, затем Арабелла резко отстранилась.

– Ты думаешь, это так легко можно устроить? – цинично спросила она, однако в ее глазах Доминик уловил отголосок сильного чувства.

– Это можно сделать, и довольно легко, – осторожно произнес он. – Я расплачусь с миссис Сильвер, уверен, она не доставит нам никаких проблем.

Он увидел, как Арабелла нервно сглотнула и сцепила пальцы, словно собираясь принять сложное решение.

– Я унаследовал титул отца, Арабелла. И очень богат. Я бы мог снять для тебя прекрасный дом в городе, обставить его по твоему вкусу. Исполнять каждое твое желание, любую прихоть. Я даю тебе карт-бланш.

– Я понимаю, что ты мне предлагаешь, – холодно отозвалась она, бесстрастно глядя на Доминика.

– И?... Ты дашь мне ответ?

– Мне нужно подумать, – напряженно отозвалась она. – Осознать, в чем заключается твое предложение.

– А что тут обдумывать? – цинично ухмыльнулся Доминик. – Разве я недостаточно ясно выразился?

Молчание длилось не больше мгновения – одно биение сердца, за которое их взгляды встретились и снова разошлись. И что-то в ее глазах противоречило образу сильной, сдержанной женщины, стоявшей перед ним. Всплеск горя, боли и... страха. В следующий миг впечатление рассеялось.

– Тем не менее, ваша светлость, я не смогу дать вам ответ, пока не обдумаю ваше предложение.

Ее мрачная решимость раздражала – как и сквозившее в каждом слове презрение. Любая другая женщина в ее положении с радостью ухватилась бы за подобную возможность.

– Можешь играть в свои игры, Арабелла, но мы оба знаем, что шлюхи выполняют прихоти богатых мужчин. А я – очень богатый человек. Начинается новый день. У тебя есть время на размышления, но к моменту моего возвращения ты должна принять решение. Тем временем миссис Сильвер получит неплохую сумму за то, что сегодня к тебе не прикоснется другой клиент. То, что принадлежит мне, – только мое, Арабелла, и всегда остается моим. Потрудись вникнуть в смысл этих слов.

Она крепче сжала губы, словно сдерживая рвущийся с языка резкий ответ. Затем молча сняла плащ и отдала его Доминику.

Тщательно одевшись, тот поклонился и вышел.

Занимался рассвет. Доминик шел по улице из «Дома радужных наслаждений» миссис Сильвер, оставив за спиной обитую в черную ткань спальню с темными занавесками. А перед глазами стоял образ женщины, оставшейся там, в расстегнутом черном платье, то и дело обнажающем молочно-белые груди.

Глава 3

Всего через несколько часов Арабелла уже поднималась по лестнице потрепанного доходного дома на Флауэр-энд-Дин-стрит. Утреннее солнце было таким ярким, что его лучи просачивались в окна, которые после долгих зимних дождей и ветров стали непрозрачными, и мерцали на недавно замененном замке на двери. Арабелла снимала комнатку на втором этаже.

Влажная прохлада охватила тело, стоило открыть дверь и переступить через порог.

– Мама! – Маленький темноволосый мальчуган поднял глаза на Арабеллу. Он сидел рядом с пожилой женщиной на единственном предмете мебели, имевшемся в комнате – старом матрасе на полу. Вывернувшись из серого шерстяного одеяла, в которое женщина закутала его, малыш побежал к матери.

– Арчи, – с улыбкой произнесла Арабелла, почувствовав себя гораздо лучше при виде сияющего личика. – Ты хорошо вел себя с бабушкой?

– Да, мама, – честно отозвался он. Но Арабелла видела, что голод и нищета уже наложили отпечаток на лицо сына. Под глазами залегли тени, черты заострились, хотя всего несколько дней назад он был обычным пухлощеким мальчишкой.

Арабелла прижала Арчи к себе.

– Я принесла несколько кусков хлеба и пирога, – произнесла она, выкладывая еду из карманов платья прямо на матрас. И хлеб, и пирог успели зачерстветь, Арабелла незаметно взяла их с подноса, на котором были разложены закуски для клиентов. – Мне заплатят только в конце недели.

Арабелла разделила еду на две части – одну убрала на подоконник, чтобы позже приглушить голод, а вторую разделила между миссис Тэттон и сыном.

У нее заняло сердце, когда Арчи вопросительно взглянул на маму, безмолвно спрашивая разрешения съесть свою жалкую долю. В его глазах застыло выражение, которое ни одна мать не должна видеть на лице своего ребенка.

Воцарилось молчание – пожилая женщина и мальчик с жадностью набросились на хлеб, словно им предложили роскошное яство.

Арабелла сняла дешевый плащ и закутала в него свою исхудавшую сгорбившуюся мать, затем села на матрас рядом с ней.

– Ты не ешь, Арабелла, – произнесла та, замерев с недонесенным до рта куском хлеба.

Та только покачала головой и улыбнулась:

– Я позавтракала по дороге домой.

Это была ложь. Но еды у них осталось слишком мало. Арабелла не могла видеть, как ее близкие голодают.

Солнце сможет согреть комнату только через несколько часов, а денег на уголь или дрова не было. Точно такой же они впервые увидели эту комнату четыре дня назад.

– Как дела в мастерской? – Миссис Тэттон собрала крошки с подола платья и съела их. – Им понравилась твоя работа?

– Думаю, да, – ответила Арабелла, не в силах заставить себя смотреть в глаза матери. Не дай бог, она заметит выражение стыда, поселившееся в них.

– Ты слишком бледна, Арабелла, и глаза у тебя красные, как будто ты плакала.

Она чувствовала на себе взгляд матери.

– Я просто устала, а глаза красные потому, что пришлось шить всю ночь при свете свечи. – Арабелла лгала, гадая, что бы сказала мать, знай она, где ее дочь на самом деле провела ночь. – Отдохну несколько часов, и все будет в порядке. – Она с улыбкой взглянула на пожилую женщину.

На лице миссис Тэттон застыло беспокойство.

– Жалко, я ничем не могу тебе помочь. – Она покачала головой и отвела взгляд. – Знаю, что стала обузой...

– Не говори глупостей, мама. Как я могла бы зарабатывать деньги, если бы ты не присматривала за Арчи?

Миссис Тэттон кивнула и вымученно улыбнулась, но ее глаза по-прежнему были полны печали. От взгляда дочери не укрылись ни дрожь, охватившая распухшие, с вздувшимися венами руки женщины, ни хрип, вырвавшийся из впалой груди, когда ее мать потянулась погладить внука по черным волосам.

Арчи, прикончив свою порцию, подошел к ведру, одолженному у одного из соседей и стоявшему теперь на другом конце комнаты. Он набрал в маленькую деревянную кружку немного воды, царапая по дну, и жадно выпил ее.

Миссис Тэттон заговорила тише, чтобы Арчи не услышал ее:

– Он вчера плакал от голода, пока не уснул, Арабелла. Бедняжка. У меня сердце разрывалось на части.

Арабелла прижала руку ко рту и отвела взгляд, чтобы мать не увидела, как дочь из последних сил пытается сохранить самообладание и решительность.

– Но твоя новая работа – это просто чудо, ответ на все наши молитвы. Без нее нам была бы одна дорога – в работный дом.

Услышав это, Арабелла закрыла глаза. Лучше бы им было сразу умереть.

Арчи принес чашку с водой и протянул матери. Арабелла сделала несколько глотков и передала ее миссис Тэттон.

Когда все было съедено и выпито, Арчи и его бабушка устроились рядом под одеялом.

– Вчера ночью было слишком шумно, – пояснила пожилая женщина. Арабелла поняла, что пьяные выкрики и хриплый смех продажных женщин с улицы не позволили ее родным отдохнуть.

Она расстелила на краю матраса свой плащ, прикрыла его сверху шалью матери и забралась под эту жалкую пародию на одеяло. Арчи сразу же прижался к ней. Арабелла поцеловала сына и пообещала ему, что все будет хорошо.

Вскоре комната наполнилась мирным дыханием – с присвистом, у ее матери, и тихим сопением, у малыша. Арабелла не сомкнула глаз прошлой ночью – после того, что произошло, спать было невозможно. Она знала, что и сейчас не сможет отдохнуть. В голове царил настоящий хаос, и ее сумбурные мысли крутились вокруг Доминика Фернекса.

Арабелла вспомнила их вчерашнее совокупление, ей хотелось плакать от гнева, стыда и щемящей боли в сердце. Она вспомнила, как отдавалась ему раньше, когда между ними царила любовь. И если говорить начистоту, злилась она не столько на Доминика, сколько на себя.

С первого мгновения, когда он приблизился и она вдохнула знакомый запах бергамота, мыла и его кожи, ее охватило волнение, которое она не сумела побороть. А когда он взял ее – не из любви, даже не зная, кто с ним, – предательское тело, вопреки доводам рассудка и душевной боли, приняло его с радостью. Губы узнали поцелуи, тело вспомнило ласки рук – и отозвалось на них. Стыд и унижение усиливались осознанием того, что она продалась Доминику.

Арабелла подумала о предложении, которое он сделал. Доминик хотел купить ее, превратить в свою собственность и заглядывать к ней всякий раз, когда ему взбредет в голову удовлетворить свои низменные желания. Доминик Фернекс, мужчина, разбивший ей сердце. Лгавший ей с таким мастерством, что она поверила всем его сладким обещаниям. Снова оказаться в полной власти такого человека? Зависеть от его прихоти? Сможет ли она отдаваться ему ночь за ночью, скрывать позорное желание, разгорающееся в теле, быть с мужчиной, который не любит ее и считает своей шлюхой?

Она закрыла руками лицо, пытаясь справиться с приступом отчаяния. Арабелла знала ответ на эти вопросы – как и ужасную, еще более унижительную альтернативу.

В памяти воскресали мгновения, когда четверо джентльменов вошли в гостиную миссис Сильвер. Как бы она ни пыталась приглушить свои чувства и выстроить в голове четкий план действий, ее охватила паника, стоило взглянуть в лицо уродливой правды. Арабелла боялась, что не сможет заставить себя пройти через это. Она закрыла глаза, отгоняя ужасное видение, зная, что выбора нет. Придется принять его предложение, несмотря на то что некоторые детали будет необходимо обговаривать с большой осторожностью.

Лежа в убогой каморке на матрасе, Арабелла не могла не думать о том, что все было бы иначе, окажись Доминик другим человеком. Если бы он любил ее искренне, а не только произносил лживые клятвы. Если бы женился на ней, как обещал. Ее жизнь была бы тогда совсем иной.

Доминик прибыл в заведение миссис Сильвер рано и в одиночестве. В гостиной сидели женщины, одетые во все цвета радуги, кроме черного. Быстро осмотрев комнату, Доминик с первого взгляда понял, что Арабеллы здесь нет, и заподозрил, что, возможно, этот вечер пройдет не совсем так, как он себе представлял.

– Разнообразие – вот прелесть составляющая жизни, ваша светлость. Возможно, сегодня я могла бы заинтересовать вас другим цветом этой радуги? – улыбнулась миссис Сильвер, радушным жестом указывая на запыхавшихся женщин, которые поспешили собраться в гостиную, едва он вошел в бордель.

– Увы, я, похоже, предпочитаю черный цвет, – вежливо отказался он. – Мисс Нуар... – Доминик замолчал, пораженный неприятной мыслью – вдруг Арабелла снова сбежала? Куда угодно, в другую часть Лондона, в другой бордель... туда, где он никогда ее не найдет?

– Скоро будет здесь, ваша светлость, я уверена в этом, – с поразительной убежденностью произнесла женщина, хотя ее глаза говорили совсем о другом.

Доминику даже в голову не приходило, что Арабелла может выбрать эту жалкую жизнь вместо богатства и роскоши, которые он предложил ей. Что попросту сбежит. Он сжал губы, поражаясь собственной наивности. Нужно ведь учиться на своих ошибках.

– Если вы соблаговолите немного подождать, – снова улыбнулась миссис Сильвер, указывая на один из диванов.

Доминик коротко кивнул, но так и не присел. Остался на месте, не обратив никакого внимания на поднос с закусками и бокалы с шампанским, стоявшие неподалеку.

Прошло пять минут.

Еще десять. Женщины отчаялись вовлечь герцога в беседу и замолчали.

Что ему делать, если Арабелла так и не появится?

Через двадцать минут он был готов нетерпеливо мерить шагами комнату.

Через сорок минут в гостиной остались только он и мисс Руж. Повисла очень неловкая тишина.

Через пятьдесят минут вверх ушла и она, а Доминик остался с теми же чувствами, что и шесть лет назад – злостью, болью, ощущением собственной глупости и уязвленной гордости.

Он потребовал, чтобы ему подали плащ, шляпу и перчатки, и уже собрался уходить, когда наконец появилась Арабелла.

– Мисс Нуар, ваша светлость, – объявила миссис Сильвер, сама внимательность и безмятежность. Она пропустила Арабеллу в гостиную и ретировалась.

Тихо закрылась дверь.

Тиканье часов на камине подчеркивало воцарившуюся паузу.

Рядом с ними стоял нетронутый бокал с выдохшимся шампанским.

На Арабелле было то же возмутительное платье и черная маска из перьев. Полускрытое лицо поражало своей мертвенной бледностью. Она остановилась подле Доминика, и он поймал себя на том, что невольно задержал дыхание, напрягшись всем телом.

Он сглотнул – и этот звук, казалось, разнесся по всей комнате, слишком громкий в неестественной тишине.

Он ждал, не осмеливаясь задать вопрос, забыв о былой уверенности в положительном ответе.

– Я принимаю ваше предложение, ваша светлость, – тихим голосом, лишенным каких бы то ни было эмоций, произнесла Арабелла. Она выглядела такой бледной, напряженной и жалкой, что Доминику захотелось заключить ее в объятия, согреть и заверить в том, что все будет хорошо. Но Арабелла двинулась к креслу, и момент был упущен. – Давайте обсудим детали нашего соглашения.

Доминик кивнул, и они, словно два незнакомца, решивших заключить сделку, начали беседовать.

Вернувшись в крохотную комнату на Флауэр-энд-Дин-стрит, Арабелла обнаружила, что миссис Тэттон и Арчи, прижавшись друг к другу, съежились на матрасе.

– Это я, – прошептала она в темноте, но мать уже поднялась на ноги, вооружившись ночным горшком.

– Арабелла, как ты меня напугала!

– Прости, мама.

Она подошла к матери, не оступившись только благодаря бьющему в маленькое окно свету ближайшего уличного фонаря.

– Что ты делаешь здесь? Да еще так рано? Я думала, ты вернешься только под утро.

Седые волосы женщины были заплетены в косу, переброшенную через плечо, на ней было измятое платье, которое она носила последние пять дней. Миссис Тэттон испуганно воскликнула:

– В мастерской отказались от твоих услуг!

– Нет. Хотя мои планы изменились, это верно, – произнесла Арабелла и поспешно добавила: – Но тебе не о чем беспокоиться. Все к лучшему.

– Что ты хочешь этим сказать? Что изменилось?

– Я заключила одно соглашение, благодаря которому нам не нужно больше бояться работных домов. – Она покосилась на спящего сынишку и продолжила: – Мы переедем в теплый, хорошо обставленный дом в престижном районе города, будем кушать три раза в день и носить хорошую одежду. У меня появится достаточно денег, чтобы Арчи ни в чем не нуждался. А у тебя, мама, будут лучшие врачи и лекарства, которые только есть в Лондоне. Мы больше не станем мерзнуть и голодать. И... – Арабелла покосилась на дверь, за которой прозвучали тяжелые шаги, – не придется бояться, что нас ограбят или убьют.

Ее мать наконец опустила ночной горшок на пол и подошла к Арабелле, напряженно вглядываясь в ее лицо.

– И что это за соглашение?

Арабелла поняла, что краснеет. Заставила себя выдержать взгляд матери. Она знала, что не сможет избежать объяснений. Лучше уж поговорить сейчас, пока их не слышит Арчи. Через несколько дней они переедут в дом, выбранный Домиником, и тогда притворяться будет бессмысленно. Лучше сказать правду... но частично.

– С одним джентльменом.

– О, Арабелла! – Мать с ужасом прикрыла рот рукой. – Ты не можешь так поступить!

– Я знаю, для тебя это потрясение, – спокойным тоном произнесла молодая женщина, хотя в душе бушевал ураган. – И я отнюдь не горда собой. – Ей было стыдно, мучительно стыдно, но она знала, что лучше скрыть унижение и боль от матери. Так легче перешагнуть через это. Она должна быть решительной и сильной. – Поверь мне, это лучший вариант из всех возможных. Просто поверь, мама. Не пытайся переубедить меня, я решила.

– Значит, не было никакой мастерской, да? – пустым, безжизненным голосом спросила ее мать.

– Нет.

Она увидела, как задрожала распухшая рука, которую пожилая женщина по-прежнему прижимала к губам. Арабелле стало так больно и стыдно, словно она ударила мать кулаком.

– И кто этот джентльмен?

Арабелла сглотнула, отводя взгляд:

– Я бы предпочла пока не называть его имени.

Если бы ее мать знала, что она продается Доминику, поток недовольства и гнева нельзя было бы остановить никакой силой на земле или на небе.

– Вот как? – резким тоном бросила миссис Тэттон, обнажив всю глубину разочарования и боли. – А ты уже рассказала ему обо мне и Арчи?

– Нет, – тихо отозвалась Арабелла. Сердце снова бешено забилося, и вернулись былые страхи, нахлынув сокрушительной волной. – Ему не обязательно знать о вас.

– Мы будем жить в его доме, Арабелла! Ты полагаешь, он не заметит пожилую женщину и ребенка, стоящих у него на пути к «лакомому кусочку»?! – Ее ноздри

раздувались в такт дыханию, выдавая всю степень недовольства и беспокойства.

«О да, боюсь, Доминик обратит внимание на Арчи, еще какое! Попадись мальчик ему на пути», – мрачно подумала Арабелла.

– Мы будем жить в большом доме, а он будет приезжать не так уж часто. – Арабелла была предельно осторожна, договариваясь обо всем с Домиником, думая исключительно о безопасности Арчи, а не о том, что предъявляет требования и ставит условия не хуже иной расчетливой шлюхи. – Все, что вам нужно делать, – не попадаться ему на глаза, когда он будет приходить ко мне.

Легко ли говорить эти слова матери! Арабелла знала, что им придется быть очень осторожными, чтобы скрыть правду.

– Ты считаешь себя такой умной, Арабелла. Думаешь, что очень хитро все устроила, не так ли? – с иронией спросила миссис Тэттон. – А о прислуге ты подумала? Слуги будут получать жалованье от джентльмена и именно ему преданно служить. При первом же удобном случае они прибегут к нему и доложат обо всех твоих секретах. И тогда он отошлет меня и Арчи прочь.

– Неужели ты думаешь, я останусь там без вас? – сердито спросила Арабелла. – Да, это правда, слугам будет платить он. Но если я разорву соглашение – а я это сделаю, если они хоть словом обмолвятся о вашем присутствии, – слуги тут же лишатся работы. Я доведу до их сведения, что хранить ваше проживание в этом доме в секрете от хозяина в их интересах.

– Для такого человека ты не единственная жемчужина, Арабелла. Там, где он нашел тебя, есть другие. Не считай себя незаменимой, дочка, – предостерегла ее мать.

По губам Арабеллы скользнула горькая улыбка.

– Я знаю, что я не незаменима, мама. Не думай, что я когда-либо совершу эту ошибку. – Она не сказала «снова». – Но он быстро подыскал для меня дом и слуг. И если я уйду, он даст им расчет еще быстрее.

– Что ж, будем молиться, чтобы ты оказалась права, Арчи и я. – Миссис Тэттон отвернулась, но Арабелла успела заметить влажную дорожку на морщинистой щеке.

Она не повернулась к дочери, не вернулась в постель. Просто продолжала смотреть в пустой камин. Когда Арабелла попыталась обнять мать за плечи, та отстранилась, словно не в силах выдержать прикосновение женщины, павшей так низко.

Рука замерла в воздухе, затем бессильно опустилась. Арабеллу глодал стыд, разъедая душу. Интересно, что бы сказала ее мать, знай она, какой была ужасная альтернатива. Еще больше Арабеллу интересовал вопрос, что бы сказала ее мать, узнай она, что таинственным джентльменом был Доминик Фернекс.

Глава 4

Доминик должен был внимательно слушать секретаря, продолжавшего разбирать огромную кучу писем, лежавшую на столе между ними.

– Королевское общество филантропов приглашает вас на ужин в июне. – Барклей поднял глаза от ежедневника. – На этот вечер у вас нет иных договоренностей.

– В таком случае я приму приглашение, – кивнул Доминик. Тут же раздался скрип пера по бумаге. Но мысли герцога уже были далеко. Он думал об Арабелле и той смутной тревоге, которую ощущал все время с их последней встречи.

– Королевское гуманистическое общество уведомляет вас о том, что им требуется больше лодок. Как один из покровителей, вы, разумеется, получите подробный отчет о...

Слова Барклея пронеслись мимо сознания Доминика, снова задумавшегося об Арабелле. Ему казалось, сделать ее своей любовницей – идеальный выход из создавшегося положения, но теперь, при свете холодного дня, после беспокойного ночного сна он уже не был так в этом уверен. В темноте Доминик

снова и снова прокручивал в голове их разговоры, раз за разом прослушивал каждое слово – и не мог не почувствовать нарастающего беспокойства.

«Выживаю» – это слово, казалось, въелось в его разум. Объяснение причин, по которым она оказалась в борделе, не слишком сочеталось с заверениями, что это ее сознательный выбор. «Выживаю». Слово неприятно покалывало сознание.

В наступившей тишине Барклей громко кашлянул.

– Весьма интересно, – произнес Доминик, не услышав ни слова из длинного отчета. – Отправьте им сто фунтов.

– Разумеется, ваша светлость.

– На сегодня все? – Он с трудом скрывал нетерпение. Доминику хотелось остаться в одиночестве. Подумать.

– Да, ваша светлость, – отозвался Барклей, снова сверившись с ежедневником. – Я должен еще напомнить вам, что сегодня в два часа дня вас ждут в Сомерсет-Хаус, где состоится лекция королевского общества, а завтра вы должны присутствовать на заседании палаты лордов на обсуждении смещения сэра Джона Крэддока с поста командующего британской армией в Португалии и назначения вместо него сэра Артура Уэлсли.

Доминик кивнул:

– Спасибо, Барклей. На этом все.

Когда секретарь ушел, унося с собой огромное количество бумаг, Доминик откинулся на спинку кресла и погрузился в размышления об Арабелле.

Арабелле пришлось вынести два дня бесконечных уговоров. Миссис Тэттон умоляла ее не унижаться, не продаваться, говорила, что назад дороги не будет. Она плакала, кричала, убеждала, но все слова пропали втуне. Когда потрясение стало утихать и мать поняла, что Арабелла твердо намерена поступить по-своему, протесты смолкли и, к несказанному облегчению молодой женщины,

больше этот вопрос не поднимался. Казалось, мать смирилась с неизбежностью и, подобно Арабелле, постаралась укрепить свою решимость.

Что было только к лучшему, поскольку на той же неделе в пятницу утром на Флауэр-энд-Дин-стрит прибыла великолепная карета, запряженная четверкой лошадей, и остановилась перед доходным домом. Все уставились на нее как на невиданное доселе чудо – на этой улице подобные экипажи не появлялись. Арчи возбужденно прижался носом к стеклу, рассматривая гнедых лошадей, и несколько раз попросил разрешения спуститься вниз и взглянуть на них вблизи. Арабелла с болью в сердце запретила сыну выходить из комнаты и заставила его отойти от окна, опасаясь, что в карете сидит сам Доминик.

– Скоро посмотришь, – шепотом пообещала она. – Но не сегодня.

– Ну, мама! – протянул Арчи.

– Наверное, он действительно очень богат, – сухо обронила миссис Тэттон, бросив на дочь ледяной взгляд. Арабелла напряглась. Она обрадовалась, увидев, что на карете не было герба Арлесфордов, однако опасалась, что мать узнает зеленую ливрею лакеев и кучера, но миссис Тэттон, похоже, не придавала их форме никакого значения.

– Думаю, он встретит меня в доме – к тому же мне нужно время, чтобы поговорить со слугами. Или за вами вернется карета, или я приду одна.

Мать стойчески кивнула, и Арабелла мужественно отогнала страх.

– В любом случае мы расстаемся ненадолго. – Она порывисто обняла сына: – Мне нужно будет уехать ненадолго, Арчи.

– В большой черной карете? – спросил мальчик.

– Да.

– А можно мне с тобой?

Арабелла попыталась не обращать внимания на боль и чувство вины и заставила себя улыбнуться.

– Не сейчас, дорогой. Хорошо води себя с бабушкой, и мы скоро увидимся.

– Да, мама.

Она поцеловала его в макушку и смахнула наворачнувшиеся на глаза слезы, а затем обняла мать:

– Позаботься о нем, мама.

Миссис Тэттон кивнула, и в ее глазах тоже заблестели слезы, которые она с трудом сдерживала.

– Будь осторожнее, Арабелла, прошу тебя. И... – она ласково коснулась обеими руками щек дочери, – я по-прежнему не одобряю твои действия, но знаю, почему ты так поступаешь. И я тебе благодарна. Молюсь, чтобы твой план оказался удачен и за нами вернулась карета.

Эти слова из уст матери очень и очень многое значили для Арабеллы. Они укрепили ее решимость, которая начала быстро рассыпаться в прах при мысли о том, что ей предстоит встреча с Домиником.

– Спасибо, мама, – прошептала молодая женщина и поцеловала мать в щеку. Затем, боясь не справиться со слезами, натянула капюшон плаща и вышла, закрыв за собой дверь.

Карета была пуста. Арабелла порадовалась этому открытию. У нее не было ни малейшего желания плакать при Доминике, когда ее мать и сын осторожно выглядывают из-за грязных окон...

В новом доме Арабеллы его тоже не было.

Дом – замечательный особняк на респектабельной улице Керзон-стрит, ничем не похожей на захолустье вроде Флауэр-энд-Дин. Слуги выстроились в коридоре, ожидая прибытия новой хозяйки, словно она – герцогиня, а не любовница

герцога. Их уважительное отношение существенно облегчило ей жизнь. Однако она прекрасно помнила, какие надежды лелеяла шесть лет назад, будучи глупой, наивной девушкой, влюбившейся в парня, которому предстояло стать герцогом.

Пожилой дворецкий поклонился:

– Меня зовут Джеммел. Добро пожаловать на Керзон-стрит, мисс Тэттон. Мы очень рады вашему приезду.

Уже очень давно никто не называл ее так. Она оставалась Арабеллой Марлбрук, хотя Генри умер два года назад. Ее рассердило желание Доминика вычеркнуть бывшего мужа из жизни своей любовницы. Вычеркнуть из памяти человека, который спас ее. Арабелла хотела было поправить дворецкого, но передумала. Она совершила бы очередную глупость. Это дом Доминика, его деньги, и ни к чему создавать неловкость в отношениях со слугами в расчете на их расположение и готовность сохранить секрет. Поэтому Арабелла с улыбкой прошла вдоль собравшихся, знакомясь со всеми, повторяя вслух их имена и говоря, что она очень рада всех видеть. Выразив уверенность в том, что они прекрасно поладят, она отправилась осматривать дом.

Ее сопровождал дворецкий, и Арабелла приложила все усилия, чтобы пробить броню надлежащего отстраненного раболепия. К тому времени, как подали чай в гостиной, она сумела разговорить Джеммела и узнала все о трех маленьких внуках и десяти внуках пожилого мужчины. Его жена Мэри – лучшая экономка в Англии – скончалась три года назад. Они целых двадцать лет служили в охотничьем доме герцога Гамильтона в Шотландии, а затем переехали на юг, потому что семья важнее.

Арабелла поняла, что наступил подходящий момент заговорить о собственной семье, рассказать дворецкому о сыне и матери. И когда она объяснила суть проблемы, мистер Джеммел проявил такт и понимание, не обманув ее надежд.

Она прекрасно понимала, что выполнение ее просьбы представляет для слуг немалый риск. Осознавал это и Джеммел. Однако иного выхода у Арабеллы не было. И дворецкий согласился, пообещав лично поговорить с другими слугами, и подал Арабелле записку, оставленную Домиником.

Сердце забилося чаще, во рту пересохло, когда Арабелла сломала печать и развернула сложенный лист. Она узнала его почерк сразу же – решительный, размашистый, бойко текущий с кончика пера, прижатого к бумаге.

Письмо было лаконичным и состояло из двух строчек, в которых Доминик выражал надежду на то, что дом и прислуга ей понравились, и сообщал, что заглянет вечером.

Ну разумеется, он придет вечером! Джентльмены не навещали своих любовниц при свете дня, когда любой мог догадаться о цели их визита. Арабелла попыталась не думать о том, что сулил вечер. Она разберется с этим позже. Пока можно сосредоточиться на более приятных вещах.

Она позвонила в колокольчик, вызывая дворецкого, и отправила карету на Флауэр-энд-Дин-стрит – за матерью и Арчи.

Днем из-за облаков наконец-то вышло солнце. Арабелла была уверена, что это добрый знак, и поделилась своей мыслью с матерью, пока они бродили по комнатам дома на Керзон-стрит. Миссис Тэттон то и дело останавливалась, чтобы восхититься превосходной мебелью, богатой тканью занавесей и сверкающим хрусталем люстр.

– Арабелла, эти стулья сделаны в мастерской мистера Чиппендейла. А эта камка стоит тридцать шиллингов за ярд. Я слышала, что даже у самого принца Уэльского в Карлтон-Хаус такие обои.

Арабелла не стала упоминать о том, что мужская одежда, висевшая в одном из гардеробов в ее спальне, сшита одним из лучших портных города, Джоном Вестоном. И о том, что от вещей слабо пахнет одеколоном Доминика.

После долгого заточения в крохотной комнате на Флауэр-энд-Дин-стрит Арчи носился по просторному дому, охваченный бурным возбуждением.

– Все комнаты обставлены с таким вкусом и шиком... Должно быть, этот... джентльмен действительно весьма богат, – заметила миссис Тэттон. Нахмурившись, она остановилась, по ее лицу вновь скользнула тень

беспокойства. – Я виню себя в том, что дошло до этого... – тихо произнесла она, чтобы не услышал Арчи, и промокнула глаза маленьким платочком.

– Тише, успокойся, мама. Ты расстроишь Арчи. – Арабелла взглянула на сына и с облегчением поняла, что он слишком занят скачкой на воображаемой лошади, чтобы обращать внимание на что-либо еще.

– Прости, Арабелла. Но одна мысль о том, что ты стала любовницей какого-то богача...

– Не такая уж плохая сделка, мама. Заверяю тебя, это лучшее, на что можно было рассчитывать. – Перед глазами снова промелькнула картина – нетрезвые джентльмены гурьбой вваливаются в гостиную миссис Сильвер... Арабелла не смогла подавить дрожь. Она поспешно отогнала эту мысль и заставила себя подарить матери ободряющую улыбку. – И мы только выиграем.

– Ты уже говорила со слугами?

Арабелла кивнула.

– И ты уверена, что они будут скрывать от хозяина, что здесь живем еще и мы с Арчи?

– Я не думаю, что кто-то из них поторопится сообщить об этом Д... джентльмену.

– Что ж, хотя бы в этом нам улыбнулась удача.

– Да.

Миссис Тэттон посмотрела в глаза дочери:

– А что за человек твой покровитель? Старый, женатый, притворщик? Я не могу не волноваться за тебя. Некоторые мужчины... – Женщина не сумела заставить себя договорить.

– Ничего подобного, мама. – Арабелла нежно гладила руку матери. – Он... – Что она может сказать о Доминике? Из пришедших в голову сотни слов ни одно не

умерило бы беспокойства матери. – Щедрый... не лишен доброты, – подумав, произнесла она. Хотя то, что он сделал шесть лет назад, добром никак не назовешь. – Только это важно, когда пытаешься заключить соглашение на выгодных для себя условиях.

Миссис Тэттон вздохнула и отвела взгляд.

– Мы будем очень бережно распоряжаться деньгами, которые он мне дает. Будем экономить каждый пенни и очень, очень скоро соберем достаточно для того, чтобы забыть обо всем и жить своей жизнью. Снова уедем за город, снимем маленький домик с садом. И никто не будет знать об этой истории. Мы снова сможем высоко держать голову и вернем себе уважение. – Как будто она когда-либо сможет уважать саму себя. Можно обмануть весь мир – но Арабелла знала, что никогда не забудет о своем поступке. Ничто не смоет с нее позора. Она взяла мать за руку и безмятежно улыбнулась, словно не видела ничего ужасного в сложившейся ситуации. – Все будет хорошо, вот увидишь.

– Хотела бы я на это надеяться, Арабелла, – кивнула миссис Тэттон, успокаиваясь. – Мы с твоим отцом были очень счастливы за городом. – Она улыбнулась своим воспоминаниям, и две женщины направились дальше, притворяясь, что в жизни нет никаких проблем и трудностей. Даже не подозревая о царившем вокруг напряжении, Арчи самозабвенно играл и бегал вокруг них.

* * *

Доминик старательно притворялся, что этот день ничуть не отличается от других, но сегодня была пятница, и ему ни на секунду не удавалось забыть о том, что Арабелла будет ждать его в доме на Керзон-стрит.

Большую часть дня он провел со своим стюардом, который приехал из Амершема, чтобы обсудить различные сельскохозяйственные вопросы, точнее, предложить хозяину приобрести молотилку, созданную Эндрю Мейклом. Затем Доминик отправился смотреть забег на четверках – состязание между молодым Норткотом и Дарлингтоном, а потом в клуб «Уайтс» выпить с друзьями. Но все это время он был не в духе. Впрочем, не в духе он был с той ночи, когда встретил Арабеллу. Его обычное хорошее настроение исчезло, а беспокойство с каждым днем только усиливалось. Хотя вместо него должно быть лишь

желание, нетерпение удовлетворить с ней свою страсть, прижаться к ее обнаженному теплому телу.

Но этих чувств не было и в помине.

«Выживаю». Это слово вновь прошелестело в сознании, и Доминик со стуком поставил бокал на стол.

– Арлесфорд? – осторожно повторил Буллфорд.

Доминик поднял глаза и увидел Хантера, Буллфорда и Норткота, выжидающе смотревших на него.

– Прости, не расслышал, что ты сказал, – лениво отозвался герцог. Его длинные пальцы небрежно крутили бокал за ножку, как будто все было в полном порядке.

– Я сказал, что наш юный Норткот жаждет попробовать свои силы в очередном игровом заведении в Ист-Энде, – произнес Буллфорд. – Очевидно, стоящая затея – и определенно не для слабонервных. Если есть люди, способные сорвать там куш, то это ты и Хантер. Ни разу не видел других игроков, которым бы так везло. Хантер согласен рискнуть. Не хочешь присоединиться к нам?

– Не сегодня, – осторожно отозвался Доминик. – У меня другие планы. – Он снова услышал ее слова: «Это мой первый день здесь. Простите, но я не знакома с правилами». Доминик попытался не думать об этом.

Буллфорд многозначительно ухмыльнулся:

– А, таинственная мисс Нуар. Слышал, ты выкупил ее услуги у миссис Сильвер. Запрятал самую шикарную женщину в городе подальше от внимания жаждущих развлечений мужчин Лондона?

Доминик невольно стиснул зубы и напрягся всем телом, возмущенный тем, как Буллфорд говорит об Арабелле. Он удивился собственной реакции. В конце концов, его приятель не знал, что под черной маской скрывалась Арабелла. Которая к тому же и впрямь оказалась женщиной легкого поведения. Но здравый смысл ничуть не умерил его гнева, и Доминик с трудом заставил себя

дышать медленнее и разжать кулаки.

Буллфорд, похоже, не заметил опасности и продолжил свои излияния:

– Должен признать, мне она тоже приглянулась, когда мы зашли в гостиную миссис Сильвер. Какая жалость, что ты заполучил ее первым! Иначе прекрасная незнакомка могла бы сегодня согревать мою постель.

– Уверяю тебя, такой ход событий был бы для тебя весьма нежелательным, – холодно и жестко ответил Доминик. Он не понимал, откуда взялась эта ярость, знал только, что если бы Буллфорд поднялся с Арабеллой наверх... Доминик с трудом сглотнул, чувствуя, что его терпение быстро истончается.

– Буллфорд, – произнес Хантер, привлекая внимание виконта, и покачал головой.

– А, понимаю, – самодовольно хмыкнул тот, подмигнув Доминику. – Больше ни слова об этом, старина. Кровь кипит и все такое. Всем молчок! Мы перенесем свою игру и не будем сегодня отвлекать тебя от прекрасной куртизанки.

Доминик с трудом удержался от желания схватить Буллфорда за грудки и хорошенько врезать ему по губам, хотя приятель лишь озвучил его собственные мысли. На него нашло какое-то безумие.

Хантер поспешно перевел разговор в другое русло.

Но Доминик уже поднялся и направился к выходу, оставив друзей изумленно смотреть ему вслед.

Арчи и его бабушка быстро заснули в маленькой уютной спальне под самой крышей дома на Керзон-стрит, а вскоре у крыльца остановилась карета.

Арабелла нервно мерила шагами комнату, не в силах ни на чем сосредоточиться. Неминуемый приезд Доминика занимал все ее мысли. Она поняла, что он приехал, как только услышала цокот копыт. Не было необходимости прислушиваться к шагам на ступеньках или к тихому звучанию голосов, чтобы убедиться в своей правоте. Сердце забило быстрее. Ладони вспотели. Она

всем сердцем надеялась на то, что мнению Джеммела о благоразумии других слуг можно доверять.

Арабелла схватила незаконченное шитье и проворно присела в кресло у камина, словно визит Доминика ее совершенно не тревожил. Она услышала, как открылась и захлопнулась дверь гостиной, намеренно не поднимая глаз от работы, хотя знала, что он стоит рядом.

Арабелла собрала остатки храбрости. Сказала себе, что их... совокупление ничего для нее не значит. Можно отдать ему свое тело, сохранив душу и сердце. Ему не суждено вновь затронуть ее чувства, не говоря уже о том, чтобы снова ранить их.

Она не будет думать о нем как о Доминике. Это просто мужчина. Арабелла была далеко не столь наивна, чтобы полагать, будто женщина, отдаваясь мужчине, должна непременно его любить. В конце концов, она ведь спала с Генри, чувствуя к нему лишь привязанность и благодарность. Никакой любви.

Но вечно оттягивать неизбежное невозможно. Арабелла бережно положила шитье на маленький столик, встала, разглаживая несуществующие складки на юбке.

И наконец подняла глаза.

Арабелла была довольно рослой женщиной, но Доминику едва доставала до плеча. Он стоял перед ней высокий, мускулистый, прекрасно сложенный, в безупречно скроенном темно-синем фраке, жилете и белоснежной рубашке с модно повязанным галстуком. Длинные ноги обтянуты темными бриджами. Высокие сапоги ярко блестели даже в слабом мерцании свечей.

Доминик был заметно бледнее, чем при их последней встрече, но все так же удивительно красив, как и человек из ее ночных кошмаров. Арабелла знала каждую черточку на этом лице – сколько раз она покрывала его поцелуями! Его выражение было непроницаемым. Когда их взгляды наконец встретились, Арабелла поняла, что все уговоры и заверения были тщетны. Она не могла смотреть на него и оставаться равнодушной.

Сердце пропустило удар, а затем бешено забилося.

– Доминик, – услышала она собственный тихий шепот. Внезапно вернулись все чувства: любовь, боль, ненависть. Арабелла почувствовала, как глаза наполняются слезами, и поспешно отвела взгляд, кляня себя за слабость. Она подумала об Арчи и вновь обрела твердость. Возможно, ей было бы не по силам сделать это для себя, но ради сына она справится. – Арлесфорд, – поправилась она – и на этот раз с радостью отметила, что в ее голосе прозвучала нотка холодного презрения.

– Арабелла. – Доминик слегка поклонился, но не двинулся с места.

Он стоял спокойно и неподвижно, но Арабелла чувствовала исходящее от него напряжение. Доминик излучал его всем телом. Выдавали стиснутые челюсти, сжатые губы, взгляд. Глаза потемнели и казались почти черными. Он так пристально вглядывался в ее лицо, словно пытался прочесть мысли.

Нервная дрожь пробежала по телу, когда Арабелла вспомнила о том, что пытается скрыть.

– Дом тебе по вкусу? – спросил Доминик.

– Он весьма изысканный, благодарю вас, ваша светлость. Прекрасно обставлен, с безупречным вкусом и щедростью. – Арабелла старалась говорить безразлично и холодно.

Они смотрели друг на друга. Воцарилось молчание – неловкое и напряженное. Наконец молодая женщина отвела взгляд, ожидая, что Доминик снимет фрак и предложит ей отправиться наверх. Но он этого не сделал.

– Я хочу поговорить с тобой, Арабелла.

– Поговорить? – Сердце на миг сбилось с ритма.

Предчувствие опасности холодком прокатилось по спине. Она не хотела ни о чем говорить. Инстинктивно взглянула вверх, словно пытаясь разглядеть через два этажа маленькую спальню под самой крышей.

Она боялась того, что могло открыться в этом разговоре.

Боялась, что Доминик узнает об Арчи. Своем сыне.

Глава 5

Если бы Доминик и впрямь узнал правду, одному Богу ведомо, что могло бы случиться с Арчи. Он будет носить клеймо бастарда, и его жизнь разрушится, едва успев начаться, вне зависимости от того, признает его Доминик или нет. Если бы герцог узнал, что у него пятилетний сын, то вполне мог бы решить вырастить его у себя или же отослать куда-нибудь, назначив подходящего, на его взгляд, человека. Какой мужчина благородного происхождения, особенно богатый, властный и безжалостный, как Доминик, оставит своего ребенка с женщиной, которую встретил в борделе? Станет ли он слушать ее объяснения? Арчи могут забрать у нее и отдать людям, которые не любят и не понимают насущных потребностей маленького мальчика. Арабелла невольно содрогнулась.

Облизнув внезапно пересохшие губы, она принужденно рассмеялась, пытаясь скрыть страх:

– А о чем нам говорить, ваша светлость? Мы уже обсудили все существенные детали нашего соглашения.

Темные глаза вспыхнули от гнева.

– Я бы предпочел, чтобы ты называла меня по имени. И за прошедшие шесть лет произошло очень много того, что мы едва начали обсуждать, Арабелла.

– Я думала, ты уже все знаешь. – «Нападение – лучшая форма защиты», – подумала она, собираясь с мыслями. – Я вышла замуж за Генри Марлбрука. Он умер. Я нашла работу у миссис Сильвер. Это все, о чем тебе нужно знать... Доминик. – Арабелла отвернулась, пытаясь вернуть себе хотя бы подобие власти над собственными чувствами.

– Напротив, Арабелла. Я думаю, мне следует знать гораздо больше этого.

– Что еще я должна тебе рассказать? – с горечью спросила она. – Каким хорошим человеком был Генри?

– Ты вполне ясно дала мне понять, что я ему и в подметки не гожусь. – Он буравил ее своими темными глазами.

– Он был в тысячу раз лучше тебя.

– Ты забываешь свое место, Арабелла.

– Нет, – произнесла она, пытаясь говорить спокойнее, и заставила себя принужденно улыбнуться. – Я прекрасно помню свое место. – Она прожгла его гневным взглядом. – Ты хочешь меня прямо здесь? Возможно, на диване? Или на ковре у камина? Мне раздеться для тебя прямо сейчас?

– Арабелла! – резко бросил он, но в темных глазах мелькнула боль, сходная с ее собственной.

В это мгновение Арабелла поняла, что действует неправильно и рискует всем.

Она закрыла глаза, приводя в порядок чувства.

– Прости, – выдохнула она и, снова открыв глаза, не рискнула посмотреть на Доминика.

– Арабелла, – мягко произнес он.

Но его доброта была еще хуже презрения, напомнив Арабелле о человеке, которого она когда-то любила.

– Что с тобой случилось?

– Ты уже знаешь ответ на этот вопрос, – тихо произнесла она.

– Нет, не знаю. – Он пристально взгляделся в ее глаза. – Я бы хотел, чтобы ты мне рассказала обо всем.

Сердце бешено заколотилось, Арабелла невольно удивилась, что Доминик не слышит его громкого стука.

– Обо всем, что произошло за эти долгие годы.

Она покачала головой и вымученно улыбнулась, надеясь провести его. Но он не отвел взгляда:

– Там, в доме миссис Сильвер, притворяясь мисс Нуар, ты сказала, что это твой первый вечер.

– Обычная ложь проститутки. Ведь именно это хочет услышать любой мужчина, не так ли? – Арабелла отвела взгляд и прижала пальцы к губам, ненавидя себя за слова, которые нужно было сказать. Но она произнесет их, потому что ей не нужна его жалость. Нельзя было рисковать, отвечая на его вопросы.

Доминик стоял перед ней, молча и неподвижно.

– Пойдем наверх? – Она прекрасно знала свою роль, не забывая о цели его визита. Получив свое, Доминик уйдет, и эта пытка закончится – по крайней мере, на сегодня.

Не сказав ни слова, он последовал за Арабеллой вверх по лестнице в просторную спальню, оформленную в золотисто-бежевых тонах.

Не было речи о том, чтобы проявить скромность и сохранить хотя бы остатки гордости. Арабелла знала свою роль.

Она отвернулась и заставила себя раздеться – полностью, до последнего лоскутка. Обнажившись, опустилась за туалетный столик и стала вынимать шпильки из волос, распуская шелковистые локоны и наблюдая за Домиником в зеркале. Арабелла видела, как он, стащив фрак и жилет, бросил их на стул.

Она сидела на месте, приготовившись к неизбежному. Собирая остатки храбрости, чтобы вынести остальное. Но Доминик по-прежнему стоял на месте и не предпринимал никаких шагов к сближению.

Ее охватило беспокойство. Арабелла нервно сглотнула. Как поступает любовница в таких случаях? Ждет, пока ее покровитель не решит приблизиться к ней, или же идет к нему сама? Арабелла не знала ответа на этот вопрос. Но чем быстрее все это закончится, тем лучше для нее. Рассудив так, она направилась к Доминику. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы не прикрыть наготу руками и заставить себя выпрямиться перед ним, позволяя ему рассмотреть ее тело.

Его прикосновение было нежным, почти благоговейным, и она невольно вздрогнула от нахлынувших непрошенных воспоминаний о прошлом – о страсти и любви, царивших между ними.

Он погладил ее по волосам, скользя к затылку, прикасаясь легко, словно крылья бабочки, вызывая приятное покалывание, тут же распространившееся по всему телу. Медленно, бережно он провел пальцами по ее шее сбоку.

Арабелла тщательно следила за выражением своего лица, чтобы на нем не отразилось ни единого чувства, склонила голову, позволяя Доминику ласкать себя. Он – ее покровитель и платит за это немалые деньги. Но Арабелла чувствовала бешеный стук сердца, под его умелыми пальцами горела кожа. Ей захотелось плакать.

Рука опустилась ниже и легла на ключицу, поглаживая и лаская, а затем снова поднялась к шее. Арабелла пыталась справиться со сбившимся дыханием, борясь с подступившими рыданиями. Но, похоже, от этого становилось только хуже.

Доминик не произнес ни единого слова. Ни разу не взглянул ей в глаза, сосредоточившись на движениях своих пальцев.

Он замер.

Арабелла невольно задержала дыхание.

Затем медленно, дюйм за дюймом его пальцы опустились к ложбинке между грудями.

И снова Доминик замер. Арабелла не понимала, кого он мучает, себя или ее. Если так пойдет и дальше, она этого просто не вынесет. Доминик накрыл ладонью ее левую грудь, под которой отчаянно колотилось сердце. Сосок уже заострился и ныл.

Арабелла уговаривала себя не отвечать на эти ласки, не реагировать на них. Доминик не любит ее. Она вспомнила, как он обошелся с ней шесть лет назад. Но когда Доминик поднял руку и начал ласкать сосок кончиками пальцев, пощипывая и поглаживая, она не смогла с собой совладать и перестать наслаждаться этими прикосновениями. Собственное распутство вызывало отвращение.

Арабелла зажмурилась, пытаясь сдержать слезы, зная, что за этим последует.

Но его рука замерла и беспомощно опустилась, отстранившись.

Доминик замер, прекрасно чувствуя напряжение, повисшее в воздухе. Он медленно поднял глаза, встретившись с ней взглядом, и в них промелькнуло странное чувство. Не страсть, как ожидала Арабелла. Не торжество победителя и даже не надменность. Возможно, озарение. И что-то еще, чему Арабелла не смогла дать определение. В его глазах застыло странное затравленное выражение.

– Доминик? – прошептала она.

Но тот словно не слышал ее. Застыл на месте, глядя на нее так, словно силился прочесть чувства, бурлящие в глубине ее души.

Затем он попятился, взъерошив рукой волосы.

– Я не могу, – побелев как мел, произнес он. Отвернувшись, забрал жилет и фрак и направился к двери.

– Доминик!

Он замер, положив пальцы на дверную ручку, но не обернулся.

А затем вышел, тихо закрыв за собой дверь.

До нее донесся звук шагов. Доминик спустился по лестнице, коротко переговорил с кем-то в холле. Затем на улице раздался скрип колес кареты и цокот копыт.

Арабелла следила взглядом за темной каретой без герба, пока та не скрылась в ночи. Вздогнув, женщина закуталась в шаль, пытаясь понять, что именно сейчас произошло между ними.

Доминик не спал всю ночь. Он стоял у окна в библиотеке, глядя на спящий город, наблюдая за первыми лучами рассвета, пролившимися в чернильную тьму небес.

Каким же он был дураком, полагая, что сможет сделать Арабеллу своей любовницей и относиться к ней как к шлюхе! Несмотря на то что, по всей видимости, она стала таковой. Прошлое было слишком свежо в памяти. Возможно, Арабелла сумела разорвать все, что их связывало, и уйти, но он только сейчас понял, что ему никогда не разорвать эти узы. Она была его первой и единственной любовью. Что бы Арабелла ни совершила, кем бы она ни была, он не смог забыть об этом. При каждом взгляде на нее перед глазами проносилось прошлое. При каждом прикосновении сердце начинало ныть.

Доминик думал, что будет относиться к Арабелле точно так же, как к другим женщинам, которые были у него, – без каких-либо чувств, холодно и отстраненно. Он ошибся.

Ее образ не выходил из сердца, проник в душу. Доминик на протяжении всех этих лет не мог мечтать ни о чем другом. Он желал Арабеллу, ненавидел и отчаянно нуждался в ней. Он все время думал о ней. Даже лежа в постели с другими женщинами.

Он по-прежнему помнил ее вкус и аромат, свежий и сладкий, как розы, омытые летним дождем. Пальцы не забыли гладкой бархатистой кожи, округлых упругих грудей. Он хотел провести губами по каждому дюйму ее тела, погрузиться в шелковистую плоть. Взять ее всеми возможными способами, пока наконец не прекратится эта бесконечная мука.

Но не мог этого сделать.

Серое платье, которое было на ней в спальне в доме на Керзон-стрит, ничем не напоминало наряд куртизанки. Старое, потрепанное и пристойное. Ее собственное. Когда Арабелла сбросила платье и встала перед ним, предлагая то, что принадлежало ему по праву, Доминик заставил себя предпринять попытку. Коснулся ее, пытаясь уговорить себя сделать это, повинувшись собственному телу, охваченному огнем неуголенной страсти. Но, почувствовав, как бьется под его ладонью ее сердце, Доминик понял, что не может так поступить.

В голове по-прежнему звучали слова Арабеллы. «Он был в тысячу раз лучше тебя». «...Ложь проститутки. Ведь именно это хочет услышать любой мужчина, не так ли?» Только сейчас Доминик осознал, что в глубине души глупо надеялся, что она примет его с радостью и желанием. Он хотел услышать, что в прошлом она совершила большую ошибку, но до сих пор любит его.

Доминик покачал головой, поражаясь собственной глупости. Ничего не изменилось. И никогда не изменится. Арабелла по-прежнему обладала властью над ним, по-прежнему могла причинить ему боль. И без колебаний сделала это.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Rouge – красный (фр.). (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Rose – розовый (фр.).

3

Noir – черный (фр.).

4

Vert – зеленый (фр.).

5

Ciel bleu – небесно-голубой (фр.).

6

Jaune – желтый (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/makfi_margaret/sorvat-masku

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)